

ГАЙДАМАКИ.

Г А Й Д А М А К И.

П О Э М А

П. Мевченка.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Ноября 29 дня 1841 года.

Цензоръ П. Корсаковъ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЫЧЕВА.

Василію Івановичу

Григорію Григоріевичу

Михайловичу

з мѣсто Мелітуполь

ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ

ГРИГОРОВИЧУ,

На память 22-го Апрѣля 1838 года.

Handwritten text at the top of the page, possibly a name or address, written in cursive.

Handwritten text in the upper middle section, appearing to be a name or title.

Handwritten text in the middle section, possibly a date or a specific reference.

Handwritten text in the lower middle section, possibly a signature or a closing.

Faint, illegible text or bleed-through from the reverse side of the page.

Faint, illegible text or bleed-through from the reverse side of the page.

Faint, illegible text or bleed-through from the reverse side of the page.

Все йде, все минае и краю немае,
Кудыжь воно дилось? видкиля взялось!
И дурень, и мудрый ничего незнае.
Живе... умирае... одно зацвило
А друге завьяло, навики завьяло...
И лыстя пожовкле витры рознеслы.
А сонечко встане, якъ перше вставало,
И зори червони, якъ перше плыли
Поплывуть и потимъ и ты билолицый
По сынёму небу выйдешъ погулять,
Выйдешъ подывиця, въ жолобокъ, криныцю
И въ море без—крае, и будешъ сіять,
Якъ надъ Вавилономъ надъ ёго садами

И надъ тымъ що буде зъ нашими сынами;
Ты вичный безъ краю! . . . люблю розмов-
лять,

Якъ збратомъ зъ сестрою, розмовлять зъ тобою.

Спивать тобі думу що ты жъ нашептавъ.

Порай мыни ще разъ, де дитысь зъжурбою?

Я не одынокій я не сирота,

Есть у мене диты, та де ихъ подиты?

Заховать зъ собою? — грихъ, душа жива,

Аможе ій легше буде на тимъ свити,

Якъ хто прочитае ти слезы — слова. . .

Що такъ вона шыро колысь вилывала,

Що такъ вона нышкомъ надъ ними рыдала.

Ни, не заховаю бо душа жива.

Якъ небо блакитне нема ему краю, —

Такъ души почину и краю немае

А де вона буде? химерни слова!!

Згадайже хто небудь іи на симъ свити,

Безславному тяжко сей свить покидать.

Згадайте дивчата, — вамъ треба згадать!

Вона васъ любила, рожевіи квиты,

И про вашу долю любила спивать.

Поки сонце встане спочивайте диты,

А я помиркую ватажка де взять.

Сыны мои Гайдамаки!
 Свить широкій, воля,
 Идуть сыны, погуляйте
 Пошукайте доли.
 Сыны мои не велики
 Не розумни диты,
 Хто васъ щыро безъ матери
 Привытае въ свити??
 Сыны мои! орлы мои!
 Летить въ Украину
 Хочь и лыхо зостриця
 Такъ не на чужини.
 Тамъ найдеця душа шыра
 Недасть погибаты,
 А тутъ... а тутъ... тяжко диты!
 Колы пустять въ хату,
 То зострившы насміюця
 Таки бачте люды,
 Все письменни, дрюкованы
 Сонце навить гудять.
 «Невидтиля каже сходять.
 «Та не такъ и свитыть,
 «О такъ каже було бѣ треба...»
 Що маешъ робиты?
 Треба слухать, може йсправди

Нетакъ сонце сходять,
 Якъ письменни начиталы...
 Розумни та й годи
 А що жъ на васъ воны скажуть?
 Знаю вашу славу!
 Поглузують, покепкують,
 Тай кинуть пидъ лаву.
 Нехай скажуть спочивають,
 Поки батько встане
 Та роскаже по нашому
 Про свои Гетьманы.
 А то дурень росказуе
 Мертвыми словами;
 Та якого съ то Ярему
 Веде передъ нами
 Упостолахъ. дурень! дурень!
 Билы, а невчилы.
 Одъ козаства одъ Гетьманства
 Высоки могилы
 Билшъ ничего не осталось
 Тай ти розрываютъ.
 А винь хоче щобъ слухалы
 Якъ старци спивають.
 Дарма праця пане-брате:
 Колы хочешъ грошей

Та ще й славы того дыва
 Спивай про матрѣшу
 Про Парашу радость нашу,
 Султанъ, паркетъ, шпоры,
 Отъ де слава!!! а то спива:
 Грае сынъ море
 А самъ плаче, за тобою
 И твоя громада
 Усирякахъ!... правда мудри!
 Спасыби за раду
 Теплый кожухъ, только шкода
 Не на мене шитый,
 А розумне ваше слово
 Брехнею пидбыте.
 Выбачайте... крычить соби
 Я слухать небуду,
 Тай до себе не поклычу,
 Вы розумны люды —
 А я дурень, одынь соби
 У мой хатыни,
 Заспиваю, за рыдаю;
 Якъ мала дитына.
 Заспиваю, — море грае,
 Витерь повивае,
 Стпъ чорніе и могила

Зъ витромъ розмовляе
 Заспиваю, — розвернулась
 Высока могила,
 Ажъ до моря Запорожци
 Степь широкой крилы
 Отаманы на вороныхъ
 Передъ бунчуками.
 Выгравають... а пороги
 Межъ очеретами
 Ревуть, стогнуть, росердылись
 Щось страшне спивають.
 Послухаю, пожурюся,
 Устарыхъ спытаю,
 Чого батьки сумуете?
 «Не весело сыну
 «Днипро на насъ росердывся
 «Плаче Украина...»
 И я плачу а тымъ часомъ
 Пышными рядами
 Выступають отаманы
 Сотныки съ панами
 И Гетманы; — вси въ золоти
 Умою хатыну
 Прыйшлы, силы коло мене
 И про Украину

Розмовляють, розказують
 Якъ сичь будовалы.
 Якъ козаки на байдакахъ
 Пороги миналы,
 Якъ гулялы по сынѣму,
 Грилыся въ Скутари,
 Та якъ люльки закурившы
 Въ Польши на пожари
 Въ Украину верталыся,
 Якъ бенкетовалы
 «Грай Кобзарю, лый шинкарю!»
 Козаки гукалы:
 Шинкарь знае наливае
 И несхаменеця
 Кобзарь вшкаривъ, а козаки
 Ажъ Хортыця гнеця.
 Метельци та Гопака
 Гуртомъ отдырають,
 Кухоль ходыть переходить
 Такъ и высыхае.
 Гуляй пане, безъ жупана,
 Гуляй витре полемъ.
 Грай Кобзарю, лый Шинкарю
 Поки встане доля.
 Взавшисьъ въ боки на вприсидки

Парубки зъ дидами
 «О такъ диты! добре диты!
 Будете панами.»

Отаманы на бенкети

Ныначе на ради,
 Похожають розмовляють,

Вельможна громада —

Невтерпила, ударила

Старыми ногами.

А я дывлюсь поглядаю

Сміюся слёзами,

Дывлюся, сміюся, дрибни утыраю; —

Я неодинокій е съкимъ въ свити жить,

Умоій хатыни якъ въ степу безкраимъ

Козаство гуляе; байракъ гомонить;

Умоій хатыни сынъ море грае,

Могила Сумуе, Тополя шумить,

Ты-хесенько *гриця* дивчина спивае

Я неодинокій, е съ кимъ вискъ дожить.

Отъ де мое добро, гроши,

Отъ де моя слава,

А зараду спасыби вамъ

Зараду лукаву.

Буде зъ мене поки живу

И мертвого слова

Шобъ вилывать журбу слёзы.
 Бувайте здоровы
 Пиду сынивъ выпровожать
 Въ далеку дорогу.
 Нехай идуть може найдуть
 Козака стараго
 Шо привита моихъ дитокъ
 Старыми слезами,
 Буде зъ мене. Скажу ще разъ
 Панъ я надъ панами.

О такъ сыдя киньци-стола
 Миркую, гадаю,
 Кого просыть? хто поведе?
 Надвори свитае
 Погасъ мисяць, горить сонце,
 Гайдамаки встали;
 Помолылысь, одяглыся,
 Кругомъ мене стали.
 Сумно, сумно, якъ сыроты
 Мовчки похилылысь.
 «Благословы, кажуть, батьку
 «Поки маемъ сылу;

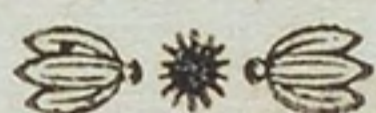
«Благословы шукать долю
 «На широкимъ свити,»
 «Постривайте... свить не хата
 «А вы мали диты
 «Не розумни. Хто ватажкомъ
 «Пиде передъ вами
 «Хто проведе? Лыхо диты
 «Лыхо мыни зъ вами!
 «Выкохавъ васъ, выгодувавъ,
 «Вирослы чимали
 «Идете въ люды, а тамъ теперъ
 «Все письменне стало,
 «Выбачайте що невивчивъ
 «Боймене хочъ билы
 «Добре билы, а багато
 «Де чому навчили!!
 «Тма, мна, знаю, аоксію
 «Невтну таки йдоси.
 «Щожъ вамъ скажуть? ходимъ сыни
 «Ходимо попросимъ.
 «Есть у мене щырый батько
 «(Ридного нимае)
 «Дастъ винъ мыни раду зъ вами
 «Бо самъ здоровъ знае,
 «Якъ то тяжко блукать въ свити

«Сироти безъ роду,
 «А до того душа щыра,
 «Козацького роду
 «Не одцуравсь того слова
 «Що маты спивала,
 «Якъ малого повивала,
 «Зъ малымъ розмовляла
 «Неодцуравсь того слова
 «Що про Украину
 «Слипый старецъ сумуючи
 «Спивае пидъ тыномъ.
 «Любить іи, думу правды,
 «Козацькую славу,
 «Любить іи, — ходимъ сыны
 «На раду ласкаву.
 «Якъ бы невинъ спиткавъ мене
 «Прилыхій годыни,
 «Давнобъ доси заховалы
 «Въ снигу на чужини,
 «Заховалыбъ тай сказалы, —
 «Такъ якесь ледащо...
 «Тяжко, важко нудыть свитомъ
 «Незнаючи за що.
 «Минулося шобъ неснылось:
 «Ходимо хлопьята,

«Колы мыни на чужины
«Недавъ погібаты,
«Той васъ прыйме привитае
«Якъ свою дитыну.
«А одъ ёго помолывшись
«Гайда въ Украину.»

Добры день же тату въ хату,
Натвоимъ порогу,
Благословы моихъ дитокъ
Въ далеку дорогу.

И Н Т Р О Д У К Ц І Я.

Була колысь шляхетчина,
 Вельможная пани:
 Мирялася зъ Москалями,
 Зъ Ордою, зъ Султаномъ,
 Зъ Нимотою. . . . було колысь. . .
 Та що не минае?
 Було, Шляхта, знай чваныця
 День и ничь гуляе, —
 Та Королемъ коверзуе
 Некажу Степаномъ,
 Або Яномъ Собіескимъ,
 Ти два незвычайни.
 Аиншими! . . . небораки.

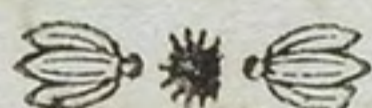
Мовчки пановалы.
 Сеймы, сеймыки ревилы:
 Сусиды мовчалы,
 Дывилыся якъ Короли
 Изъ Польши втикають,
 Та слухалы якъ шляхество
 Нависне гукае.
«Niерозwalam! Niерозwalam!»
 Шляхта репетуе,
 А магнаты, палять хаты,
 Шабельки гартують.
 Довго таке робилося
 Покры не въ Варшави
 Запановавъ надъ ляхами
 Понятовскій жвавий.

Запановавъ тай думавъ Шляхту
 Приборкать трошки. . . незумивъ —
 Хотивъ добра, якъ дитямъ маты
 Аможе й ще чого хотивъ.
 Едыне слово **Niерозwalam**
 Хотивъ у Шляхты одибрать,
 А потимъ. . . Польша запалала,
 Шляхта сказылася. . . крычать
 «Слово гонору, дарма праця,
 Поганыць, наймыть москаля.»

На гвалть Пулавского, и Паца
Встае шляхетская земля
И разомъ сто Конфедерацій (1).
Розбрелысь Конфедераты
По Польши, Волыни
По Лытви по Молдаванахъ
И по Украини
Розбрелыся, та й забулы
Волю ратуваты,
Полыгалыся зъ жидами
Та й ну руйнуваты.
Руйнувалы, мордувалы,
Церквами топилы...
А тымъ-часомъ Гайдамаки
Ножи освятилы.

Г А Л А Н Д А.

«Яремо Герш-ту! Хамивъ сыну!
 «Пиды кобылу приведы,
 «Подай патынки господыни,
 «Та принесы мыни воды,
 «Выметы хату, внысы дрова,
 «Посыпъ индыкамъ, гусямъ дай,
 «Пиды долёху, до коровы,
 «Та швидче Хаме! пострывай!
 «Пидышъ упоравшись въ Вильшану, (2)
 «Имости треба; небарысь,»
 Пишовъ Ярема похилывсь.

О такъ у раньци жидь поганый
 Надъ козакомъ коверзувавъ.
 Ярема гнувся бонезнавъ,

Незнавъ сирромаха що виресли крила.
 Що неба достане колы полытыть.
 Незнавъ нагынався. . . о боже мій милый!
 Тяжко жить на свити. . . а хочеця жить.
 Хочеця дывиця, якъ сонычко сяе,
 Хочеця послухатъ якъ море заграе,
 Якъ пташка щебече, байракъ гомонить,
 Або чорно-брыва въ гаю заспивае
 О боже мій милый! якъ весело жить.
 Сырота Ярема, сырота убогий.
 Ни сестры, ни брата, никого нема
 Попыхачъ Жидивскій, вырись упорогу
 А неклене долю, людей незайма.
 Тай защо ихъ лаять хиба вони знають,
 Кого треба гладыть кого катувать:
 Нехай бенкетують. . . у ихъ доля дбае
 А сироти треба самому придбать.
 Трапляеця часомъ тихенько заплаче,
 Тай то ны одтого що сердце болыть.
 Що небудь згадае, або що побачить. . .
 Тай знову до праці: отакъ треба жить.
 Нащо батько, маты, високи палаты
 Колы нема сердца зъ сердцемъ розмовлять.
 Сырота Ярема, сырота багатый. . .
 Бо е съ кимъ заплакаты, е съ кимъ заспивать;

Есть каріи очи
 Якъ зироньки сяють,
 Били ручинята,
 Мліють обнимають.
 Есть сердце едыне,
 Серденько дивоче,
 Шо плаче смієця
 Якъ винъ того хоче.

О такій то мій Ярема
 Сырота багатый.

Такимъ и я колысь то бувъ...

Минуло дивчата.

Минулося розійшлося

И слиду нестало

Серце мліє якъ згадаю

Чому неосталось?

Чому неосталось чому невитало

Легше булобъ слёзы, журбу вилывать.

Люды одибралы бо имъ було мало

«Нашо ёму доля треба закопать.

Винъ и такъ багатый» багатый налаты

Та на дрибни слезы. . . бодай невтырать.

Доле моя! доле! де тебе шукать?

Верныся до мене, до моеи хаты

Або хочъ присныся. . . нехочеця спать

Выбачайте люды добри
 Може недоладу,
 Та прокляте лыхо злыдни
 Кому незавадыть.
 Може ще разъ зостринимось
 Покры шкандыбаю?
 За Яремою по свиту
 А може. . . й незнаю.
 Лыхо люды, всюды лыхо
 Нигде пригорнуця.

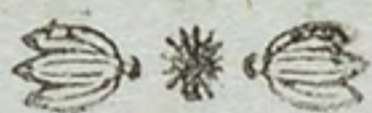
Куды каже хилыть доля,
 Туды й треба гнуця.
 Гнуця мовчки, усмихаця,
 Щобъ люды незналы
 Що на серци заховано
 Щобъ непривиталы. . .
 Бо ихъ ласка. . . нехай сныця.
 Тому въ кого доля,
 А сироти щобъ неснылась
 Неснылаеь николы.
 Тяжко, нудно росказовать,
 А мовчать невмію. . .
 Вилывайсяжъ слово, слёзы
 Сонечко негріе.
 Невысушить подилюся

Моими слёзами,
 Та не зъ братомъ, не зъ сестрою. . .
 Зънимымы стинами,
 Начужини — а поки що
 До корчмы вернуса;
 Що тамъ робыця; жидюга
 Дрожитъ изигнувшись
 Надъ каганцемъ личить гроши
 Коло лижка клятый:
 А налижку. . . охъ, ажъ душно,
 Били ручинята
 Розкидала, розкрылася
 Якъ квиточка въ гаю
 Червоніе. . . а пазуха,
 Пазухи немає
 Розирвана. . . мабуть душно
 На перыни спаты,
 Одинокій молоденькій
 Ни съкымъ розмовляты
 Одна шепче. . . несказанно
 Гарна нехрещена!
 О то дочка; а то батько
 Чортова кешеня.
 Стара хайка лежить доли
 Въ перинахъ поганыхъ.

Дежъ Ярема? взявши торбу
Потягъ у Вильшану.

КОНФЕДЕРАТЫ.

Одчиняй проклятый Жиде!
 Бо будышь битый, одчиняй!
 Ламайте двери поки выйде,
 Викна посыпались, «стрывай!»
 «Стрывайте заразъ,» — «нагаями
 «Свыняче ухо, жартувать
 «Чи шо ты хочишь!? Я! зъ панами?
 «Крый Боже заразъ! дайте встать
 «Ясновельможни (нышкомъ свыни)
 «Пани полковнику ламай,»
 Упалы двери... анагай
 Малюе вздовжъ жидивску спыну,

«Здоровъ свине, здоровъ жиде,
 «Здоровъ чортивъ сыну.»
 Та-нагаемъ, та нагаемъ
 А жидъ зогнувъ спыну
 «Не жартуйте мости паче.»
 «Добриве-чырь, въ хату!
 «Ще разъ шельму, ще разъ годи!
 «Выбачай проклятый,
 «Добривечиръ, а де дочка?»
 «Умерла панове,»
 «Лжешъ Іудо, нагаями!»
 Посыпалысь знову,
 «Ой паночки голубчики,
 «Ей Богу нымае.»
 «Брешишь шельмо!» «колы брешу
 «Ныхай Богъ карае»
 «Не Богъ а мы, признавайся!
 «Нащобъ мавъ ховаты
 «Колы жива, нехай Боже,
 «Щобъ я бувъ проклятый!»
 «Ха, ха, ха. . . чортъ панове
 спивае.
 «Перехристысь» «якъ же воно?
 «Далеби незнаю.»
 «О такъ, дывись» ляхъ христыця

«А занимъ Іуда.
 «Браво! браво! Охристылы
 «Ну за таке чудо
 «Могоричу мости-пани,
 «Чуешъ охрищенный
 «Могоричу.» — «заразъ, заразъ.» —
 Ревуть мовъ скажены
 Ревуть ляхи, а поставецъ
 Постолю гуляе.
 Еще Польша не згинела
 Хто куда гукае
 «Давай жиде!!» охрищенный
 Изъ Лёху та въ хату
 Знай шишгляе... наливае,
 А Конфедераты —
 Знай гукають «жиде! меду!»
 Жидъ несхаменеця:
 «Де цымбалы? грай псявиро!»
 Ажъ корчма трясеця —
 Краковяка оддырають,
 Вальса та мазура.
 И жидъ гляне, та ныщечкомъ
 «Шляхецька натура»
 «Добре, годи, теперь спивай,»
 «Невмію, ей Богу.»

«Небожись собача шкуро:»

«Якужь вамъ? Не-богу!

Була соби ганьдзя

Калика небога,

Божилася,

Моылася,

Що болилы ноги:

Напанщину неходыла,

А за парубками...

Тыхесенько,

Гарнесенько

Помижь бурьянами.»

«Годи! годи! це погана,

Сгизматы (3) спивають...»

«Я койжь вамъ? Хиба оцю...»

Стривайте згадаю...»

Передъ паномъ Хведоромъ

Ходыть жидь, ходыть

И задкомъ

И передкомъ

Передъ паномъ Хведиркомъ

Ходыть жидь, ходыть.

«Добре, годи, теперь платы,

«Жартуете пане

«За шо платыть? ... Шо слухалы,

«Некривысь поганый!»

«Нежартую давай гроши!

«Де мыни ихъ взяты?

«Ни шеляга! я паньскою

«Ласкою багатый.»

«Лжешъ собако признавайся!

«А нуте панове!

«Батогами» засвыстилы,

«Христять лейбу знову.

Перицилы, перицилы,

Ажъ перья лытило

«Ей же Богу не шеляга

«Ижте мое тило!

«Ни шеляга, гвалть рятуйте!!!

«Осьмы поратумъ.»

«Постривайте я щось скажу.

«Почумъ, почумъ,

«Та небрешни бо хочъ здохны —

«Брехня не поможе.

«Ни. . . въ Вильшаный»! . . . «твой гроши?»

«Мои! . . . ховай Боже!!

«Ни, я кажу. . . що въ вильшаный. . .

«Вилшаньски схизматы?»

«По три симь по чотыри

«Живуть въ одній хати

«Мы це знаемъ бо мы самы

«Ихъ такъ очухралы.
 «Тани, не те. . . выбачайте,
 «Шобъ лыха незналы. . .
 «Щобъ вамъ гроши приснылыся. . .
 «Бачьте увилшаный. . .
 «Укостѣли. . . у тытаря. . .
 «А дочка Оксана!!!!
 «Ховай Боже! якъ панночка
 «Що то захороше. . .
 «А червоньцивъ!!! хочъ не ёго
 «Такъ що? — абы гроши.»
 «Абы гроши однаково,
 «Правду лейба каже.
 «А щобъ билше була правда
 «Нехай шляхъ покаже.
 «Одягайся!» поѣхалы
 «Ляхи у Вилшану
 Одынъ тилько пидъ лавою
 Конфедерать пьяный,
 Недзужа встать, а курныка,
 Пьяный и веселый.

*Ми хієтмі, ми хієтмі,
 Ролков не . . . динела.*

Т Ы Т А Р Ъ.

Угаю гаю
 Витру немає,
 Мисяць високо
 Зироньки сяють.
 Выйди серденько
 Я выглядаю
 Хочь нагодыну
 Моя рыбчино,
 Выглянь голубко.
 Та поворкуемъ,
 Та посумуемъ.
 Бо я далеко
 Сю ничь мандрую
 Выглянь же пташко,

Мое серденько,
 Поки близенько,
 Те поворкуемъ,
 Охъ тяжко! важко!

О такъ ходя попидъ гаемъ

Ярема спивае,

Выглядае... а оксаны

Немае, немае.

Зори сяють, середьнеба

Свитыть билолыцый

Верба слуха соловейка,

Дывиця въ крыныцю,

На калыни надъ водою

Такъ и вилывае,

Ныначе зна що дивчину

Козакъ выглядае.

А Ярема подолыни

Ледви, ледви ходыть.

Недывиця, неслухае,

«На що мыни врода?»

Колы нема щастя, колы нема доли.

Лита молодый марно пропадутъ

Одынъ я на свити, стебло середъ поля

Ёго буйни витры полемъ рознесутъ.

Такъ и мене лоды, незнають де диты:

За щожъ одцуралысь? що я сирота:
 Одно було сердце, одно на всимъ свити,
 Одна душа шыра, та бачу що й та,
 Що й та одцуралась. «И хлынули слёзы
 Поплакавъ сердега, утеръ рукавомъ
 «Оставайсь здорова, въ далекій дорози
 Найду або долю... або за Днипромъ
 Ляжу головою, а ты незаплачишь,
 А ты непобачишь, якъ воронъ клюе
 Ти каріе очи, ти очи козачи
 Що ты цювала... серденько мое!
 Забудь мои слёзы, забудь сыротыну,
 Забудь що клялася; — другого шукай
 Я тобі не пара, я въ сирій свитыни
 А ты, Тытаривна... крашчого вытай,
 Вытай кого знаешъ, така моя доля,
 Забудь мене пташко, забудь нежурись,
 А колы почувешъ що на чужимъ поли
 Сховалы Ярему... нышкомъ помолысь,
 Одна сердце навсимъ свити
 Хочъ ты помолыся,»

Тай заплакавъ сиромаха,
 На кій похилывся,
 Плаче соби тихесенько,
 Шелестъ!... колы гляне!...

Попидь гаемъ мовъ ласочка
Крадыця Оксана.

Забувъ, побигъ, обнялыся.

«Серце . . .» тай зомлилы

Довго, довго тилько «серце»

Та й знову нимилы.

«Годи пташко» «ще трошички

«Ще . . . ще . . . сызокрилуй»,

«Выймы душу . . . ще разъ . . . ще разъ . . .»

«Охъ якъ я втомилась.»

«Одпочинь моя ты зоре

«Ты зъ неба злетила»

Пославъ свытку, якъ ясочка

Усмихнулась, сила.

«Сидай же йты коло мене»

Сивъ та й обнялыся.

«Серце моё, ^{зоре} крыхто моя»

Знову полыся. *До це ты зорилася*

Я «Ты сего дни забарилась

«Батько занедужавъ,

«Коло ёго все поралась . . .»

«А мене бай-дуже?»

«Якій бо ты, ей-же — Богу» . . .»

и слезы Слизоньки блеснулы,

«Неплачь сердце, я жартую»

«Жарты» . . . усмихнулась.
 Прихилилась головкою,
 Тай нібы заснула.
 «Бачь Оксано я жартую
 «А ты й справди плачешъ,
 «Ну неплачъ же глянь на мене,
 «Завтра непобачишъ.
 «Завтра буду я далеко,
 «Далеко Оксано. . .
 «Завтра въ ночи у Чигрыни
 «Свяченый достаю.
 «Дастъ винъ мыни сребро, золото,
 «Дастъ винъ мыни славу,
 «Одягну тебе, обую
 «Посажу мовъ паву.
 «На дзиглыку, якъ Гетманьшу
 «Тай дывиця буду. . .
 «Поки не вмру. Дывитымусь. . .
 «А може й забудешъ?
 «Розбагатіешъ, у Кіевъ
 «Поѣдешъ съ панами,
 «Найдешъ соби шляхтяночку
 «Забудешъ Оксану.»
 «Хиба крашча е за тебе?»
 «Може й е незнаю.»

«Гнивышъ Бога мое сердце,
 «Крашчои немае
 «Ни на неби, ни за небомъ,
 «Ни за синимъ моремъ.
 «Нема крашчои за тебе »
 «Що се ты говоришъ?
 «Схаменыся» «правду робко.
 Та й знову, та й знову,
 Довго воны якъ бачите
 Велы таку мову.
 Циловалысь, обнималысь,
 Зъ усіеи силы
 То плакалы, то божились,
 То ще разъ божились.
 Ій Ярема розказувавъ,
 Якъ жить воны будуть,
 Якъ окуе всю въ золото,
 Якъ долю добуде.
 «Якъ вырижуть Гайдамаки
 Ляхивъ въ України,
 Якъ винъ буде пановаты
 Колы не загине.
 Ажъ обридло слухаючи
 Далеби дівчата,
 «О то якій! мовъ и справди

Обрыдло! . . . » а маты,
 Або батько якъ побачать
 Що вы мои люби
 Таке дыво читаете?
 Гриха на всю губу.
 Той ди — тойди. . . та цуръ ёму:
 Адуже цикаве!
 А надто вамъ, розказать бы,
 Якъ козакъ чернявий
 Пидъ вербою, надъ водою
 Обнявшись сумуе,
 А Оксана, якъ голубка
 Воркуе, цилуе.
 То заплаче, то зомліе
 Головоньку схилыть:
 «Серце мое, доле моя
 «Соколе мій милый
 «Мій!! . . .» ажъ вербы нагинались
 Слухать ^{на} таку ^{на} мову!
 О то мова!! не розкажу
 Мои черnobрови,
 Не розкажу противъ ночи
 А то ще присныця:
 Нехай соби розійдуця
 Такъ якъ изійшлыся.

Тыхесенько, гарнесенько
 Щобъ нихто небачивъ.
 Нидивочи дрибны слёзы
 Ни щыри казачи.
 Нехай соби може ще разъ.
 Воны на симъ свиты
 Зостринуця? побачимо . . .
 А тымъ часомъ свитыть
 Зъусихъ виконъ у тытаря
 Що то тамъ творыця?
 Треба глянуть та розказать . . .
 Бо дай не дывиця!

Бо дай недывиця, бо дай неказаты.
 Бо за людей соромъ, бо серце болыть,
 Гляньте, подывиця! . . . то Конфедераты,
 Люды що зибралысь волю боронить;
 Боронять прокляты, будь проклята маты
 И день и годына колы понесла,
 Колы породыла на свить привыла.
 Дывиця що роблять у Тытаря въ хаты
 Пекелныи диты: у печи пала

Огонь и свитыть на всю хату.
 Въ углу собакою дрожить
 Проклятый жидъ; Конфедераты
 Кричатъ до тытаря: «хочъ жить?»

Скажи де гроши?» «той мовчить.

Налыгачемъ скрутылы руки,

Вдарили объземлю... нема,

Нема нислова... «мало муки

«Давайте прыску! де смола?

«Кропы ёго! о такъ! холоне

«Мерщій же прискомъ посыпай!

«Що! скажешъ шельмо!» и нестогне!

«За взята бестія! стрывай.»

Насыпалы въ халявы жару...

Утимья цвяшокъ закатай!

Невитырпивъ святой кары.

Упавъ сердега, пропадай

Душа безъ сповиди святой,

«Оксано! дочко!» — та й умеръ,

Ляхи задумалыся стоя,

Хочъ и запекли, «що ^{те}теперь!

«Панове рады! помиркуйте, ^{силь}

«Зънымъ теперь ничего робить

«Запалымъ церкву?» гвалть рятуйте!

«Хто въ Бога вируе!» кричить

На двори щое силы,

Ляхи зомлилы «хто такій?»

Оксана въ хати... «вбилы! вбилы!»

Мліе та й пада, (а старшіи

Та й нечли ва да тт

Махнувъ рукою на громаду,
 Понура шляхта, мовъ хорты,
 Выйшла за двери... самъ по заду
 Бере зомлилю... де ты?
 Де ты Яремо подивыся!
 Може мандруючи спива,
 Якъ Налывайко зъ Ляхомъ бився!
 Ляхи пропалы... чуть жива,
 Пропала зными и Оксана,
 Собаки де де по Вилшаній
 Загавкають та й замовчать.
 Биліе мисяць, люди сплять,
 И Тытарь спыть... нерано встане.
 На вики праведный заснувъ.
 Горило свитло, погасало!...
 Погасло... мертвый мовъ вздрогнувъ.
 И сумно... сумно... въ хати стало (5).

СВАТО ВЪ ЧИГРЫНИ.

Гетманы, Гетманы якъ бы то вы встали,
 Встали подивилысь на той Чигирынъ
 Що вы будувалы, де вы пановалы
 Заплакалыбъ тяжко бо выбъ непизналы
 Козацькои славы убогихъ руинъ;
 Базары де вісько, якъ море червоне,
 Передъ бунчугамы бувало горыть
 А ясновельможный на воронимъ кони
 Блесне булавою, море закипыть
 Закипыть и розлылося
 Степами, ярами,
 Лыхо мліе передными...
 А за козаками.....
 Та що й казать... минулося

А те що минуло. . .

Незгадуйте панебраты. . .

Бо ша. б. . не. то. чу. ш. .

Та й що зътого що згадаешъ,
Згадаешъ, заплачешъ.

Ну хочъ глянемъ на Чигиринъ
Колысь то козачій.

Изъ залису зъ туману,
Мисяць випливае,
Червоніе круглолицый
Горыть, а несяе.

Ныначе зна що нетреба
Людамъ его свиту,
Що пожары Украину
Нагріють, освітять.

И смерклося; а въ Чигрыни
Якъ у домовини
Сумно. . . сумно. . . (о такъ було
По всій України,
Противъ ночи Маковія
Якъ ножи святылы).

Людей нечуть; черезъ базарь
Кажанъ костокрылый
Перелытыть, на выгони
Сова завывае,

А дежъ люды? надъ Тясминомъ
 Утемному гаю,
 Зибралыся, старый, малый,
 Убогий, багатый
 Поеднались. — дожидають
 Велького свята.

У темному гаю, въ зеленій дыброви,
 На припони кони отаву скубуть,
 Осидлани кони, ворони готови
 Куды то пойдуть? кого повезуть?
 Онъ кого, дывиця, ляглы по долини,
 Ныначе побыти ни слова нечуть
 Ото Гайдамаки. . . на гвалть Украины
 Орлы налетилы воны рознесуть
 Ляхамъ жидамъ кару.
 Закровь и пожары
 Шекломъ Гайдамаки ляхамъ отдадутъ.

Попидъ дибровою стоять
 Возы залізной тарани,
 То щедрой гостынецъ пани
 Умила що, кому, давать,
 Невроку ій, нехай царствуе
Нехай невадыть якъ негуе.
 Помижъ возами нигде стать,
 Ныначе въ Ірій налытило

Зъ Смилянщины, зъ Чигирина,
 Просте козаство, старшина,
 На певне дило налетилы.
 Козацьке панство похожае,
 Въ киреяхъ черныхъ якъ одынь,
Тыжтєко
 Ныщечкомъ ходя розмовляе
 И поглядае на Чигринь.

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ.

Старый Головатый щось дуже коверзуе.

СТАРШИНА ДРУГІЙ.

Мудра голова, сыдыть соби въ хутори ни
 бы незна ничого, а дывыся скрызъ голова-
 тый, колы самъ каже не повершу, то сынови
 передамъ.

СТАРШИНА ТРЕТІЙ.

Тай сынъ же штука! я вчора зострився
 зъ Зализнякомъ, таке розказуе, про ёго що
 цуръ ёму. Кошовымъ каже буде тай годи,
 а може ще и Гетманомъ колы тее...

СТАРШИНА ДРУГІЙ.

А Гонта на що? а Зализнякъ? до Гонты
 сама... сама писала, колы каже...

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ.

Цытьте лышень, здаеця дзвоняць! . . .

СТАРШИНА ДРУГІЙ.

Та ни, то люды гомоняць.

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ.

Гомоняць, поки ляхи почуюць, Охъ стари головы та розумны, химеряць, химеряць та-й зробляць изъ лемеша швайку, де можна лантухъ тамъ торбы нетреба; купилы хрину, треба съ исты, плачте очи хочъ повылазь-те, бачилы що купувалы, грошамъ непропадать, а то думаютъ, думаютъ, ни въ слухъ ни мовчки, а ляхи догадаюця отъ тоби й пшыкъ. Що тамъ за рада, чомъ воны не дзвоняць? Чымъ спынышь народъ щобъ негомонивъ. — Недесять душъ, а слава Богу, вся Смилянщина колы невся Украина. — онъ чуєте спиваютъ.

СТАРШИНА ТРЕТІЙ.

Справди спива щось, пиду спыню.

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ.

Неспиняй, нехай спива, абы неголосно.

СТАРШИНА ДРУГІЙ.

Ото мабудь волохъ (6), невтерпивъ таки старый дурень, треба тай годи.

СТАРШИНА ТРЕТІЙ.

А мудро співає колы непослухаєшь все
иншу, підкрадемось та послухамъ, а тымъ
часомъ задзвонять.

СТАРШИНЫ ПЕРВЫЙ И ДРУГІЙ.

Ходимо!

А що ж тої жидишо!

Добри ходимо!

Старшины нышкомъ стали за дубомъ, пиль-
дубомъ сидыть слипый Кобзарь. Кругомъ его. —
Запорошци и Гайдамаки, кобзарь спиване голосно.

А то Волохи и него не сече.

Ой Волохи Волохи

Васъ осталось трохи,

И вы Молдованы

Теперь вы не паны,

Ваши господари

Наймиты Татарамъ,

Турецкимъ Султанамъ,

Въ Кайданахъ! въ Кайданахъ!

Годижь не журиця!

Гарно помолиця,

Братайтеся зъ нами

Зъ нами козаками,

Згадайте Богдана

Стараго Гетмана,

Будете панами,
 Та якъ мы зъ ножами
 Зъ ножами святыми
 Та зъ батькомъ Максимомъ
 Сю ничъ погуляемъ
 Ляхивъ по-гойдаемъ,
 Та такъ погуляемъ,
 Що ажъ пекло засмієця
 Земля затресеця,
 Небо запалає,
 Добре погуляемъ!

ЗАПОРОЖЕЦЬ.

Добре погуляемъ! правду співа якъ не-
 бреше, а щобъ то зъ ёго за Кобзарь бувъ,
 якъ бы не волохъ.

КОБЗАРЬ.

Та я й не волохъ — такъ тилько, бувъ
 колысь уволощыни, а люды й зовуть волохомъ
 незнаю защо.

ЗАПОРОЖЕЦЬ.

Ну дарма утны ще яку небудь, а ну про
 батька Максима ушкварь.

ГАЙДАМАКЪ.

Та неголосно, щобъ непочула старшина.

Запорожець.

А що намъ ваша старшина? почуе такъ по-
слуха, колы мае чимъ слухать тай годи. У
насъ одинъ, старшій батько Максимъ, а винъ
якъ почуе, то ще Карбованецъ дасть, спи-
вай старче Божій не слухай его.

Гайдамакъ.

Та воно такъ чоловіче, я це й самъ знаю,
та ось що, не такъ паны якъ пидпанки, або
поки сонце зійде, то роса очи выість.

Запорожець.

Брехня; спивай, язю знаешъ, ато й дзвона
недиждемо заснемо.

Гуртомъ.

Справди заснемо, спивай яку небудь.

Лита орель, лита сызый
Попидь небесами,
Гуля Максимъ гуля батько
Степами, лисамы.

Лита орель сызокриый,
А занымъ орлята,
Гуля Максимъ гуля батько,
А занымъ хлопьята.

Запорожцы ти хлопьята
 Сыны его диты.
 Помиркуе, загадае
 Чи биты, чи питы.
 Чи тапцювать? то-й ушкварить
 Ажъ земля трясеця.
 Заспивае, заспивають
 Ажъ лыхо сліеця.
 Горилку, медъ, нечаркою
 Поставцемъ черкае,
 А ворога заплющившись
 Ката не минае.
 О такій-то нашъ Отаманъ
 Орель сизокрилый,
 И воюе и гарцюе
 Зъ-усіей силы
 Не ма-въ его ни осели,
 Ни саду, ни ставу
 Степь и море. . . скрызъ битый шляхъ,
 Скрызъ золото, слава.
 Шануйтесяжъ вражи ляхи
 Скажени собаки.
 Й де Зализнякъ, чорнымъ шляхомъ,
 Занымъ Гайданамаки.

ЗАПОРОЖЕЦЬ.

Оце то такъ, вчистывъ ничего сказать, и доладу и правда, добре далеби добре, що хоче, то такъ и втне, спасиби, спасыби.

ГАЙДАМАКЪ.

Я щось невторонавъ що винъ спивавъ про Гайдаманивъ?

ЗАПОРОЖЕЦЬ.

Якій же боты бевзъ и справди, бачишь ось що винъ спивавъ шобъ Ляхи погани скажени собаки каялысь, бо йде ^{Зализнякъ} чорнымъ Шляхомъ зъ Гайдамаками, шобъ Ляхивъ бачишь ризать

ГАЙДАМАКЪ.

И вишать, и мордовать! добре ей Богу добре, ну це такъ, далеби давъ бы карбова-нець якъ бы бувъ не пропивъ учора. Шкода, ну нехай стара вьязне бильше м'яса буде, поборгуй будь ласкавъ, завтра отдамъ, утны ще що небудь про Гайдамаки.

КОБЗАРЬ.

До грошей я недуже ласый, цуръ имъ, абы була ласка слухать, поки не охрипъ спива-тому, а охрипну . . . чарочку другу тиі леда-

живици бже та ками тв

шыци, тай знову. Слухайтежъ панове Громадо!

Ночовалы Гайдамаки
 Въ зеленый диброви
 На припони паслы кони
 Сидлани готови.
 Ночувалы ляшки панки
 Въ будынкахъ зъ жидами.
 Напилися простяглыся
 Тай.

Г р о м а д а .

Цыть лышень здаеця дзвонять.

Чуешъ. . . . ще разъ. . . о. . .

«Задзвонилы, задзвонилы» . . .

Пишла руна гаемъ,

«Идить же вы та молиця *тв*

А я доспиваю.»

Повалылы Гайдамаки
 Ажъ стогне диброва,
 Не повезлы а на плечахъ
 Чумацьки волови

Несуть возы, а заными

Слыпый волохъ знову

«Ночувалы Гайдамаки

«Въ зеленый диброви.»

Шкандыбае, курныкае

Игычъ не доречи.

«Ну лышь иншу старче Божій»

Зъ возами на плечахъ,

Кричатъ ёму Гайдамаки.

«Добре хлопцы нате!

Отакъ, такъ, добре хлопцы!

А нуте хлопьята.

Ушкваримо. «Земля гнеця

А воны зъ возами

Такъ и рижуть, Кобзарь грае

До дае словами.

Ой гопъ такъ такъ,

Клыче Ганьдзю козакъ,

Ходы Ганьдзю пожартую

Ходы ганьдзю поцилую,

Ходимъ Ганьдзю до попа

Богу помольця,

Нема жыта ни снопа

Вары варяныци.

Ожинывся, зажурився

Ничого нимае,
Урядныни ростуть диты
А козакъ спивае.

И похати ты-ны-ны
И посиняхъ ты-ны-ны
Вары жинко лыны,
Ты-ны-ны, ты-ны-ны.

Добре! добре! ще разъ! ще разъ!

Купи гонимъ гонимъ гонимъ гонимъ.
Ой гопъ того дыва

Наварины Ляхи пива,
А мы будемъ шинковать
Ляшкивъ, панкивъ частовать
Ляшкивъ панкивъ почастуемъ
Зъ панянками пожартуемъ.

Ой гопъ таки такъ
Клыче ^{Ляшкы} панну козакъ,

Ляшко Панно пташко моя,

Ляшко Панно доле моя,

Несоромся, дай рученьку
Ходимъ погуляймо;

Нехай людямъ лыхо сныця

А мы заспиваймо.

А мы заспиваймо

А мы посидаймо

Ляшко Панно пташко моя

Л. Ш. Ко Нанно доле моя

Ще разъ! ще разъ!

Якъ бы таки, або такъ, або сякъ

Якъ бы таки Запорожскій козакъ,

Якъ бы таки молодой, молодой

Хозъ похатибъ поводывъ, поводывъ.

Страхъ лыми нехогущя

Зъ старымъ дидомъ морогущя

Якъ бы таки.

«Цу цу скажени, схамениця!

Бачъ розходилися! а ты

Стара собако, дебъ мольця

Верзешъ тутъ погань; отъ чорты!»

Кричить отаманъ; опинылысь

~~Бачать~~ ^{а оми} ~~шо~~ ^{саки тв.} церковь; дякъ спива,

Попы съ кадылами зъ кропиломъ

Громада нибы не жива.

Анителень по мижъ возами,

Попы зъ кропилами пишлы,

Заными коровги неслы,

Якъ на велик-день надъ пасками.

«Молитесь братія! молитесь!»

Такъ благочинный начина.

«Кругомъ святого Чигрина

«Стане сторожа зъ того свита.

«Недасть святого распинать

- «А вы Украину ховайте,
«Недайте матери, недайте
«Въ рукахъ у ката пропадать.
«Отъ Конашевича и доси
«Пожаръ негасне, люды мруть
«Канають въ тюрмахъ голи, боси. . . .
«Диты нехрыщены растутъ.
«Козацьки диты, а дивчата!
«Краю Козацкого краса
«Уляха вяне, якъ першъ маты
«И непрокрытая коса
«Стыдомъ сичеця! кари очи
«Гаснуть въ неволи, росковать
«Козакъ сестру свою нехоче
«Самъ несоромыця канать
«Въ ярми у Ляха. . . горе! горе!
«Молитесь диты страшный судъ
«Ляхи въ Украину несуть
«И зарыдають чорны горы.
«Згадайте праведныхъ Гетманивъ
«Де ихъ могилы? де лежить.
«Останокъ славнаго Богдана
«Де Острианицына стоить
«Хочъ бы убогая могила?
«Де Налывайкова? нема!

«Живого й мертвого спалыли (7).
 «Де Богунъ той де та зима?
 «Ингуль що зиму замерзае.
 «Невстане Богунъ загатыть.
 «Шляхетскимъ трупомъ (8) Ляхъ гуляе!
 «Нема Богдана червоныть,
 «И жовти воды й рось зелену,
 «Сумуе Корсунъ староденный
 «Нема журбу съ кимъ подилыть.
 «И Альта плаче, «тяжко житы,
 «Я сохну. . . сохну. . . де Тарась?! —
 «Нема нечуть. . . не въ батька диты!»
 «Неплачте братія: за насъ
 «И души праведныхъ и сыла
 «Архистратыга Михаила
 «Не загорами кары часъ —
 «Молитесь братія!»

Молилысь, —

Молилысь шыро козаки,
 Шыро якъ диты, нежурилысь
 Думали тее. . . а зробилось,
 Надъ козаками, хусточки

Одно добро, одна слава

Биліе хустына,

Тай ту з—нимуть. . . а діяконъ:

«Нехай ворогъ гине!

«Берить ножи, освятилы!»

Удалилы въ дзвоны,

Реве гаемъ, «освятилы!»

Ажъ сердце холоне,

Освятилы! освятилы!

Гине! Шляхта гине!

Розибралы, заблищалы

Повсїй України (9).

ТРЕТИ ПИВНИ.

Ще день Украйну катовалы
 Ляхи скажени, ще одынь,
 Одынь останній сумувалы
 И Украина и Чигринь.
 И той минувъ день Маковія
 Вельке свято въ Украйни!
 Минувъ... и Ляхъ, и жидовинь
 Горилки крови упивалысь
 Клялы схизмата роспиналы,
 Клялы що ничого вже взять.
 А Гайдамаки мовчки ждалы
 Шоки поганьци ляжуть спать.
 Ляглы и въ головы не клалы,
 Що вже *име за дитя* не вставать.

Ляхи заснули, а Іуды
 Ще личать гроши, у ночі
 Безъ свитла личать барыши,
 Щобъ не побачилы зли люды.
 И ти на золото ляглы,
 И сномъ нечистымъ задремалы,
 Дримають, на вики бо-дай задрималы;
 А тымъ часомъ мисяць плыве оглядять.
 И небо и зори и землю и море,
 Та глянуть на люды що воны моторять
 Щобъ Богови, вранци про те розказать.
 Свитыть билолыцый на всю Украину
 Свитыть а—чибачить мою сыротыну?
 Оксану зъ Вилшаны, мою сыроту?
 Де їй мурдують? де вона воркуе?
 Чи знае Ярема, чи знае, чи чуе?
 Побачимо потимъ, а теперъ нету,
 Не ту заспиваю, иншой заграю
 Лыхо, не дивчата, буде танцювать.
 Недолю спиваю козацького краю!
 Слухайте щобъ дитямъ потимъ розказать
 Щобъ и диты зналы, внукамъ розказалы,
 Якъ козаки Шляхту тяжко покаралы,
 Щобъ незабувалы ляха проклынать.

Гомонила Украина,
 Довго гомонила,
 Довго, довго, кровь степами,
 Текла, червонила.
 Текла, текла, та й висохла
 Степы зеленіють,
 Диды лежать, а надъними
 Могили сыніють.
 Та що зъ того що високи,
 Ни хто ихъ незнае,
 Ни кто щиро низаплаче,
 Ни хто не згадае.
 Тилько витерь тихесенько
 Повіе надъ ними,
 Тилько росы ранесенько
 Слезами дрибными
 Ихъ умыють. Зійде сонце
 Осушить, пригріе
 А онуки! имъ байдуже,
 Жито собі сіють.
 Багато ихъ, а хто скаже
 Де Гонты могила?
 Мученька праведного
 Де похоронили?
 Де Зализнякъ щира душа,

Де одпочивае?

Тяжко! важко! Катъ пануе

А ихъ незгадають.

Гомонила украина,

Довго гомонила,

Довго, довго, кровъ степами

Текла червонила.

И день и ничъ гвалтъ, Гарматы,

Земля стогне, гнеця,

Сумно, страшно, а згадаешъ

Серце усмихнеця,

Мисяцю мій ясний, зъ високого неба

Сховайся за гору бо свиту не треба,

Страшно тобі буде, хочъ ты й бачивъ Рось

И Альту, и Сену, (10) и тамъ розлылось

Незнать за що, крови широкее море

А теперъ що буде? Сховайся за гору.

Сховайся мій друже; щобъ недовелось

На старисть заплакать.

Сумно, сумно середь неба

Сяе билолыций,

По надъ Днипромъ козакъ иде,

Може зъ вечерныци.

Иде смутный не веселый

Ледви несуть ноги

Може дивчина нелюбить,

За те що убогій.

И дивчина ёго любить

Хочъ лата на лати,

Чернобривый. . . а незгине,

То буде й багатый,

Чогожъ смутный чернобривый

не все мнѣ

Иде чуть не плаче.

Якусь тяжку недоленьку.

Вищуе козаче

Чуе сердце та не скаже

Яке лыхо буде,

Мине лыхо. . . кругомъ ёго

Мовъ вымирлы люды

А ни пивня, ни собаки,

Тилько изъ загаю

Десь далеко, сумно, сумно,

сироме мнѣ

Вовки завывають,

Байдуже иде Ярема,

Та не до Оксаны

Ны въ Вилшану надосвитки,

До ляхивъ поганныхъ

У Черкасы: а тамъ третій

Пивень заспивае. . .

А тамъ. . . а тамъ. . . иде Ярема

На Днипръ поглядае.

«Ой Днипре мій Днипре широкій, та дужій
 Богато ты батьку у море носывъ
 Козацькои крови, ще понесешъ друже,
 Червонынъ ты сынѣ, та не напоивъ
 А сю ничъ ущеця, пекелнее свято
 По всій України сю ничъ зареве,
 Потече багато, багато, багато
 Шляхетскои крови; козакъ оживе,
 Оживуть Гетманы, въ золотимъ жупани;
 Прокинеця доля, козакъ заспива, —
 Ни жида, ни Ляха, а въ степахъ України,
 Дай то Боже милый, блесне булава,»
 Такъ идучи думавъ въ латаній свитини
 Сердега Ярема съ свяченымъ въ рукахъ.
 А Днипръ мовъ подслухавъ широкій та сыній
 Пиднявъ горы-хвыли. . . а въ очеретахъ —
 Реве, стогне, завивае,
 Лозы нагинае;
 Гримъ гогоче. . . а блискавка
 Хмару роздерае
 Иде собі нашъ Ярема
 Ничого ныбачить,
 Одна думка усмихнеця,
 А друга заплаче.
 Тамъ Оксана, тамъ весело

И въ сирій свѣтыни,
А тутъ... а тутъ... що щѣ буде?
Може ще загину.
А тымъ часомъ зъ забайраку
Пивень: кукурику.
«А! Черкасы, Боже милый!
Не вкороты вику.

~~ЧЕРВОНИЙ БЕНКЕТЪ.~~

Гайдамаки.

Задзвонили въ уси дзвоны
 По всій Украини,
 Закричали Гайдамаки:
 «Гине, Шляхта, гине!»
 «Гине Шляхта погуляемъ
 «Та хмару нагріемъ»
 Зайнялася Смилянщина
 Хмара червоніе.
 А на й перша Медведивка. (11)
 Небо нагривае,
 Горить Смила Смилянщина,
 Кровью пидпливае
 Горить Корсунъ, горить Канивъ,
 Чигиринъ, Черкасы,
 Чорнымъ шляхомъ (12) запалало
 И кровь полылася

у мачи
Ажъ у ~~Волынь~~ по *подолч* Полисси

Гонта бенкетуе,

А Зализнякъ въ Смилянщини

Дамаску гартуе

У Черкасахъ: де й Ярема

Пробуе свячений.

«О такъ! о такъ! добре диты

«Мордуйте скаженныхъ,

«Добре хлопци!» набазари

Зализнякъ гукае!

Кругомъ пекло, Гайдамаки

Попеклу гуляють.

А Ярема, страшно глянуть

По три по чотыри —

Такъ и кладе. «Добре хлопче *сыну*

«Матери ихъ хыря

оттакъ оттакъ
«Мордуй! мордуй! въ раю будешъ

«Або Есауломъ.

ытцу
«Гуляй хлопче! нуте диты.» —

Идиты майнулы,

Погорищахъ, покоморахъ.

По лёхахъ у сюды,

Всихъ уклалы, все забралы,

«Теперь хлопци буде,

«Утомились, одпочиньте.»

Улицы, базары,
 Крылы ^ц трупомъ, плыли кровью:
 «Мало клятымъ кары!
 «Ще разъ треба перемучить
 «Шобъ не повставалы,
 «Не хрищени, кляти души!»
 На базаръ збиралысь
 Гайдамаки, йде Ярема.
 Зализнякъ гукае,
 «Чуешъ хлопче ходы сюды
 «Небійсь незлякаю!
 «Небоюся!» знявши шапку
 Ставь мовъ передъ паномъ.
 «Видкиля ты хто ты такій?
 «Я ~~пане зъ Вилшаны.~~ ^{изъ милова пана.}
 «Зъ ~~вилшаной, де тытаря~~ ^{тамъ тытаря поза вгору}
 «Псы замордувалы?»
 «Де? якого?» у Вилшаній ^{Милова.}
 «И кажутъ що вкралы
 «Дочку ёго колы знаешъ?» ^{Чи знав би в?}
 «Дочку у Вилшаній?» ^{Отта маме, маме}
 «У тытаря колы знававъ?» ^{тусты маме. — Та и за тмакавъ}
 «Оксано! Оксано!» ^{Ледон}
 «Де ты! сердце мое, де ты?!» ^{ви мови вв Едсе ма}
 Тай ^{у ма} пада до долу.

о се що

«Эге! знаю... Щкода хлопця,

«Провитра Мыколо.»

Провитрився «батьку! брате!

«Чомъ я несторукій?!»

«Дайте ножи! дайте сылу!

«Муки Ляхамъ! муки!

«Муки страшнои шобъ пекло

«Затряслось ^{ти} млило!»

«Добре хлопче, ^{силу} ножи будутъ

«Абы ^{не съятъ} шобъ хотилось!»

«Хочешъ ^{ди во} знами у Лысянку?»

«На край свита... пане,

«На край свита та не найду

«Ненайду Оксаны!»

«Може й ^{виправитъ} найдышъ ходимъ зъ нами

«Я все забуваю,

«Якъ зовеса!» «Яремою!»

«Призвыще?» «немаю!»

«Хиба байстриюкъ? безъ призвыща

«Запиши Миколо

«Есауломъ.» Безъ призвыща...

«Нехай буде голый,

«Бачъ обидраный...» «погано»

«Ну хиба бидою?»

«Ни погано... стрывай лышень...»

*модем выриту вистом...
Ходимъ ходимъ отамыме
Батьку, ты ми брате
Ми си ми ми брате
мо лопу, до снату
се межа вми отамале*

*Василиш
и се нестих*

«Пиши Галайдою.»

Записали, ^{но.} «ну Галайдо

«Поидемъ гуляты,

«Найдешь долю... а ненайдешь...»

«Рушайте хлопьята»...

И Яреми дали коня

Зайвого зъ обозу,

Усмихнувся на воронимъ.

Та й знову у слёзы.

Выихали за царину,

Палають Черкасы.

«Чи вси диты!» Уси батьку!

«Гайда,» — простяглася

По диброви по надъ Днипромъ

Козацька ватага,

А заными кобзарь-волохъ

Переваги-ваги

Шкандыбае на коныку

Козакамъ спивае:

«Гайдамаки Гайдамаки

«Зализнякъ гуляе.»

Поихалы, а Черкасы

Палають, палають

Байдуже ни хто й негляне
 Сміюця та лають
 Кляту Шляхту, хто балака,
 Хто кобзаря слуха,
 А Зализнякъ по переду,
 Нашорошивъ уха,
 Ъде соби, люльку курить
 Никому нислова,
 А занымъ нимый Ярема! . . .
 Зелена диброва
 И темный гай, и Дниоръ дужій
 И високи горы
 Небо, зори, добро, люды
 И лютеє горе. . .
 Все пропало, все,ничого
 Незнає небачить
 Якъ убитый, тяжело ёму
 Тяжко, а не плаче.
 Ни не плаче змія люта
 Жадна, выпиває
 Дрибни слезы, давить душу
 Серце роздырає.
 Ой вы слезы! дрибни слезы!
 Вы змьете горе,
 Змыйте его. . . тяжко! нудно!

И сынёго моря
И Днипра, шобъ вылыть люте;
И Днипра нестане.

Занапастыть хйба, душу?

Оксано! Оксано!

Де ты! де ты! подывися

Моя сиротыно *ты едина.*

Подывися на Ярему

Де ты? може гине,

Може тяжко кляне долю,

Но Польши блукае, *Каме умирив*

Або въ пана укайданахъ

Усклепу канае. *пропавше*

Може згадуе Ярему,

Згадуе Вилшану, *и Млинъ*

Клыче ёго «серце мое,

Обнимы Оксану. — *може каже обогативше*

Обнимимось, мій соколе

Навики зомліемъ,

Нехай ляхи згнушаюця, *мій соколе, нехай я вим*

Непочуемъ! . . . Віе *дочку шашу*

Віе витерьъ зъ Залыману

Гне тополю въ поли.

И дивчина похильця

Куды гве не доля

По сумуе пожурыця,
 Забуде, и може...,
 Убудынку ^{у алы тэперы} ~~господиня,~~ ^{самая мамі} —
 А ляхъ... «Боже! Боже!
 Карай пекломъ мою душу
 Вилый муки море,
 Розбый кару надомною,
 Та не такимъ горемъ
 Карай сердце. Розирвеця
^{партыдуця} ~~Хочъ бы було~~ ^{аксады} ~~камень;~~ ^{океані}
 Доле моя, сердце мое,
 Чомъ ты не въ Вилшаный!
^{де ты вилшаный} ~~А може й тамъ,~~ ^{поди мись} ~~може плаче,~~
 Тяжко ій не бози,
 Може зъ батькомъ ~~выглядае...~~
 И хлынули слезы,
 Дрибни, дрибни ~~полылыся~~
 Де воны ~~взялыся!~~
 А Зализнякъ Гайдамакамъ
^{ролі тэ} ~~Кричить:~~ ^{тись} «опыниця,
 «Улись хлопци, вже свитае,
 «И кони присталы
 «Попасемо, — повернулы ^{и ты мись ко}
 Улись та й сховалысь.

ГУПАЛНВШЫНА.

Зійшло сонце; Украина
 Де палала, тлила.
 А де шляхта запершися
 У будынкахъ млила.
 Скризь поселахъ Шибыныци,
 Навишано трупу —
 Тилько старшихъ, а такъ шляхта
 Купою на куни;
 На улицахъ на роспутьяхъ,
 Собаки, вороны,
 Идять шляхту клюють очи,
 Нихто неборонить...
 Та й нікому; осталься
 Диты та собаки;

Жинки павить зъ рогачами
 Пишли въ Гайдамаки.

О таке то було лихо
 По всій України,
 Гирше пекла, а завищо
 За що люды гинуть?
 Тогожъ батька, такижъ диты
 Жытьбы, та братаця.
 Ни, не вмилы, нехотилы
 Треба розъєднаця,
 Треба крови брата, крови
 Бо задро шо въ брата
 Ё въ комори и надвори
 И весело въ хати.
 Убьемъ брата, спалымъ хату
 Сказалы и сталось
 Всебъ здаеця. . . ни, на кару
 Сыроты осталысь;
 Въ слёзахъ росли, тай вирослы,
 Замучени руки
 Розвязалысь; и кровь за кровь,
 И муки за муки.
 Болыть сердце, якъ згадаешъ
 Старыхъ Славянъ диты

«Чомъ я вчора поки незнавъ
 «Вчора незагинувъ.
 «А сёго дня, колы ^и умру
 «Зъ домовины встану
 «Дяхивъ мучить. Серце моё!
 «Оксано! Оксано!
 «Де ты?» — замовкъ, зажурился,
 Поихавъ ходою
 Тяжко ёму сыромаси
 Бороця зъ нудьгою,
 Догнавъ своихъ. Боровыкивъ
 Вже хутиръ мынають.
 Борчма тліе зъ стодолою
 А Лейбы немае.
 Усмихнувся мій Ярема,
 Тяжко усмихнувся,
 О тутъ. . . О тутъ. . . по-завчора
 Передъ жидомъ гнувся,
 А сего дня. . . та й жаль стало,
 Шо лыхо минуло!
 Цабе Яромъ Гайдамаки *помаде було мѣ*
 Зъ Шляху повернулы.
 Наганяють пивпарубка
 Хлопець у свытыни,
 Полатаній, у постолахъ,

На плечахъ торбина:

«Гей старчиня ~~постривай~~ лышь!»

«Я нестарыць пане!

«Я—^{эхъ багатъ} Гайдамака.

«Якій же поганый,

«Видкиля ты? съ Кереливки.» (14).

«А Будыща знаешь,

«И озеро коло Будыщъ?

«И озеро знаю,

«О тамъ воно, оцымъ Яромъ

«Втраните до ёго.»

«Що сего дня Ляхивъ бачивъ?

«Нигде ниодного,

«А вчѣра було богато,

«Винки несвятылы,

«Не дали Ляхи прокляти

«За тежъ мы ихъ ^{чи} били

«И я й батько святымъ ножёмъ

»А маты нездужа

«А той вонабъ. . . добре хлопче

«Ось на ^{туби} тоби друже

«Цей дукачикъ та незгуби. . .»

Узявъ золотого

Подывився, «спасыби вамъ. —

«Ну хлопци въ дорогу.

«Та чуєте безъ гомону
 «Галайдо замною,
 «Въ оцимъ Яру е Озеро
 «Лисъ по пидь горою
 «А въ лиси скарбъ, якъ придемъ
 «То шобъ кругомъ стали
 «Скажи хлопцямъ, може лёхи
 «Стерегты осталась
 «Яка погань.» — прихалы,
 Сталы кругомъ лиса,
 Дивляця нема никого, —
 «Ту ихъ достобиса
 «Яки груши уродылы
 «Збывайте хлопята
 «Швыдче! Швыдче! о такъ! о такъ!»
 И Конфедераты
 Посыпалыся додолу,
 Груши гнылобоки.
 Позбывслы, упоралысь,
 Казакамъ ни в року
 Найшлы лёхи, скарбъ забралы.
 У мертвыхъ кешени
 Потрусылы, — та й потяглы
 Ще карать мерзеныхъ. (15).

Божество у лисьянцѣ.

СТАРОСЕНТСКІЙ БУДЫНОКЪ.

Смеркалося. Изъ Лысянки (16)

Кругомъ засвѣтило,

О то Гонта ^{та} ~~въ~~ Зализнякомъ.

Люльки закурили,

Страшно, ^{за} страшно ^{за} закурили

И въ пекли невміють

Такъ ~~за~~курить: гнилый Тикачъ

Кровью червоніе.

Шляхетскою й Жидивскою

А надънымъ палають

И хатына и Будынокъ

Мовъ доля карае

Вельможного й неможного,

А серед базару

Стоить Гонта зъ Зализнякомъ
Крычать; ~~«ляхамъ кары!!»~~ *дичи на*

«Кары ляхамъ, щобъ каялысь.»

И диты карають.

Стогнуть, плачуть, одынъ просыть,

Другій проклинае.

Той молыця сповидае

Грихи передъ братомъ

Уже вбитымъ; немилують,

Карають завзяти.

Якъ смерть люта, неминають

Ни лита, ни вроду,

Шляхтяночки й Жидивочки!

Тече кровь у воду.

Ни калика, а ни старый

Ни маты дитына

Не осталысь, не вблагалы,

Лыхой годыны!

Вси помяглы, вси покотомъ

Ни души живои

Шляхетской и Жидивской.

А пожаръ удвое

Розгорився, распалався

До самой Хмары.

А Галайда знай гукае

«Кары ляхамъ кары!

Мовъ скаженный мертвыхъ риже

Мертвыхъ виша, палыть.

«Дайте ляха! дайте жида!

«Мало мыни, мало!

«Дайте Ляха, дайте крови

«Шаточить зъ поганныхъ,

«Крови море, мало моря,

«Оксано! Оксано!»

Такъ ^{Де тѣ? — Крикну, бже все сцѣ} Галайда кричить шука

Ляхивъ по пожару,

А тынь часомъ Гайдамаки

Столы вздовжъ базару

Поставилы, несуть страву

Де що запопалы,

Шобъ засвитла повечерять

«Гуляй!» загулялы:

Вечеряють, а кругомъ ихъ

Шекло червоніе,

У поломъи повишани,

На кроквахъ чорніють

Панськи трупы, горять кроквы,

И падають зными. —

^{Пийте} «Гуляй диты, пийте, лыйте

«Зъ папами такими

«Може ще разъ зостринимось
 «Ще разъ погуляемъ.»
 И поставець однимъ духомъ
 Зализнякъ черкае, —
 «За прокляти ваши трупы,
 «За души прокляти,
 «Ще разъ выпью, пийте диты
 «Выпьемъ Гонто брате!»
 «Постривай я дожидаю
 «Що Ляхи прокляты. . .»
 Ярема вставъ «яки Ляхи?»
 «Отобо завзятый
 «Пий горилку мій голубе»
 «Яки ляхи брате?»
 «Потимъ боци убудынку
 «Заперлысь прокляти!»
 «Розвіемо!» «Шкода муру
 «Старосвितска штука
 «А ще гирше Богданови
 «Муровалы руки.»
 «Богдановы? шкода! шкода!
 «Гетманскои праці.»
 «Я пославъ сказать проклятымъ
 «Шобъ выдали Паца.
 «Помилую! невыдадутъ, —

«Порохъ засыпаю. . .»

«Потайники вже зроблени. . .»

«И ляхи гуляють?»

«Личать зори, добре брате!

«А поки що буде?»

«Выпьемъ чарку!» «добре выпьемъ.»

«Пийте добри люды»

«Та недуже, бо ще може»

«Некончили кары.»

«Некончили!!!! пийте, бийте,

«Грай, спивай кобзарю»

«Не проидывъ, бо незгирше»

«И мы Ляхивъ караемъ»

«Не пролыхо, бо мы ёго»

«Не знали й незнаемъ.»

«Веселой утны старче»

«Шобъ земля ломилась.»

«Про вдовыцю, молодыцю»

«Якъ вона журилась.»

Кобзарь співає і співає

Отъ села до села,

Таньци та музыки,

Курку яйца продала,

Маю ^{ручницю} черевыки.

Отъ села до села,

*Розв'яжи мене
у курку яйца
а де яки? Розкопай!
Василина
Кобзарю
Друже, посподоби мене*

Буду танцюваты
 Ни коровы, ни вола,
 Осталася хата.
 Я отдамъ, я продамъ
 Кумови хатыну,
 Я куплю, я зроблю
 Яточку пидъ тыномъ
 Торговать, шинковать
 Буду чарочками,
 Танцювать, та гулять,
 Таки зъ парубками!
 Охъ вы дитки мои,
 Мои голубьята,
 Не журыця, подывиця,
 Якъ танцюе маты,
 Сама впайми пиду,
 Дитокъ въ школу отдамъ
 А червонымъ черевыкамъ,
 Таки дамъ, таки дамъ.

«Добре! добре! ну до танцивъ,
 «До танцивъ Кобзарю.»
 Слипый вшкваривъ, на вприсядки
 Пишли по базару —

Земля гнеця, «а ну Гонто!»

«Ну брате Максиме!

Ушкваримо, мій голубе

Поки незагинемъ!»

Недывуйтесея дивгата

Що я обидрався

Бо мій батько, робысь гладко

То й я въ его вдався.

«Добре, брате ей же Богу!»

«А ну ты Максиме!»

«Постривай лишъ:»

О такъ гини, якъ я гиню

Любы дозку а бы гію,

Хогъ попову,

Хогъ дякову,

Хогъ хорошу мужикову! . . .

Вси танцюють, — а Галайда

Нечуе, небачить.

Сыдыть одынъ кишцы стола

Тяжко, важко плаче —

Якъ дытына, чогобъ бацця!

Въ червонимъ жупани,

И золото и слава е. . .

Та нема Оксаны,

Ня съ кимъ долю подилыты

Ни съ кимъ заспиваты,
Одынъ, одынъ сыротою
Мусыть пропадаты.

Тай заплакавъ, вси танцюють

А Галайда плаче,

Нудно ёму. . . а изъ Яру

Въ киреи козачій

Хтось крадыця, хто ты такій?

Галайда пытае,

«Я посланецъ, папа Гонты

«Нехай погуляе

«Я пидожду, —» ни, недиждешъ

«Жидивська собако.»

«Ховай Боже, якій я жидъ

«Бачишъ Гайдамака.

«Ось. ^{царькивна} копійка:»

«Небреши проклятый!»

«Признавайся, я Ярема,

«Ты Конфедеративъ

«Изъ хутора до тытаря

«Повивъ у Вилшану.

«Признавайся! я все знаю,

«Де ^{ли не знала} дилы Оксану?»

«Махнувъ ножемъ, «ховай Боже!»

«Я тебе сховаю!»

Ничого не знала.

*Я самъ. — Хетъ, —
Зъ хованъ, вилшане —
— музъ, а вилшане —
муха вилшане —
Му мимъ —
До титаря вилшане —
Зъ мимъ —
Журт у вилшане —
Шей май вилшане.*

миго т ш т ко — съ бо лу —
неуспеши? Какъ змиши
такъ и роби, 95 и змо ву митъ
Зирети вы і м е —

«Убудынку на тимъ боци».

«Выручай якъ знаешъ,

«На, золото,» сыпле ёму,

Жменею зъ кешени.

«Треба Гонту. . .» «потимъ, потимъ,

А нето свяченымъ. . .

«Добре, добре, пострывайте. . .»

«Николы проклятый —

«Ходимъ вкупы!» — «якижбо вы,

«Яремо завзяты.

«Вамъ нетреба, одынь пиду

«Гроши муръ ламають,

«Скажу Ляхамъ замись Паца. . .»

«Добре, добре, знаю

«Иды швыдче.» заразь, заразь,

«Гонту забавляйте,

«Съшивъ упруга, — а тамъ нехай.—

«Идить же гуляйте.

«Куды везты?» въ Майданивку! (17)

«Въ Майданивку, чуешъ?»

«Чую, чую.» и Галайда

Зъ Гонтою танцюе,

А Зализнякъ бере кобзу,

«Потанцюй Кобзарю

«Я заграю.» на вприсядки
 Слипый вздовжъ базару
 Отдырае постоломи,
 До дае словами!

На вгороди постырнакъ, постырнакъ,
 Чи яжъ тоби не козакъ не козакъ,
 Чи яжъ тебе нелюблю, нелюблю
 Чи яжъ тоби черевычкивъ некуплю.
 Куплю, куплю чорнобрива
 Куплю, куплю того дыва
 Буду сердце ходыть
 Буду сердце любить.

Ой гопъ, гопака
 Полюбила козака,
 Та рудого,
 Та старого,
 Лыха доля така,
 Идыжъ долю зажурбою
 А ты старый за водою,
 А я такъ до шинку.
 Выпью чарку, выпью другу
 Выпью третю напотугу
 Пьяту, шосту, тай кинецъ

Пишла баба утанець
 А за нею горобець,
 Выкрутасомъ,
 Вы хилясомъ,
 Молодецъ горобець.
 Старый рудый бабу клыче
 А та ёму дулю тыче,
 Ожинывся, сатано,
 Заробляй же на пшоно
 Треба дитокъ годувать,
 Треба дитокъ одягать
 А я буду добувать,
 А ты старый негриши,
 Та запичку колыши,
 Та мовчи не дыши.

*Якъ була я молодото приподобницею,
 Шовисыла хвартушину надъ виконницею,
 Хто йде не мине,
 То моргне,
 То махне,
 А я шовкомъ вышиваю,
 У квартирочку моргаю,
 Семены,
 Иваны,*

Надивайте жупаны,
 Та ходимо погуляймо,
 Та сядемо заспиваймо,
 Загоняйте квочку въ бочку

А курчата въ вершу...

Скажи стара суро

Каїну давайіа стерицу: . . .

и... гу...

Загнувъ батько дугу.

Тягне маты супоню,

А ты завьяжи допю.

«Чи ще? чи годи?» «ще, ще,

Хочь погану сами ноги посять.»

Ой сыпь сыривець

Та крыши опеньки

Дидь та баба,

Той до ладу,

Обое раденьки

★ ★ ★

Ой сыпь сыривець

Та крыши Петрушку

• • • • •

• • • • •

• • • • •

★ ★ ★

Ой сынь сыривець
 Та на крыши хрину
 Якъ дидь баби

.....

.....

★ ★
 ★

Ой сыпъ воду, воду...
 Та пошукай броду, броду!

Годи! годи! «кричить Гонта.

«Годи, погасае!

«Свитла диты! а де лейба?

«Ще ёго немае?

«Найты его та повисыть

«Петелька свыняча!

«Гайда диты, гасне, гасне...

«Велькь — день козачій.»

А Галайда «Отамане

«Погуляймо батьку,

«Дывись горить, на базари

«И выдко и гладко.

«Потанцюемъ, грай Кобзарю!

«Нехочу гуляты

«Огню диты, дёгтю, клочя

«Давайте, гарматы.

«Въ потайныки пустыть огонь!

«Думаютъ жартую. . .»

Заревилы Гайдамаки

«Добре батьку, чуемъ:»

Черезъ греблю повалылы

Гукають спивають. . .

А Галайда кричить, «батьку!

«Стійте! пропадаю

«Постривайте, не вбивайте,

«Тамъ моя Оксана

«Годыночку батьки мои,

«Я їи достану:»

«Добре, добре, — Зализняче!

«Гукны щобъ палылы;

«Преподобиця зъ Ляхами

«А ты сизокрилый

«Найдешъ другу;» — оглянувся,

Галайды немає.

Ревуть горы, — и будынокъ

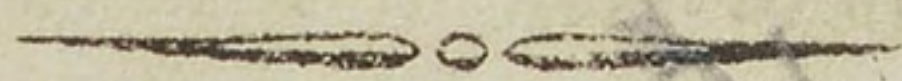
Зъ Ляхами гуляе

Коло хмары. Що осталось

Пекломъ запалало,

«Де Галайда?» Максимъ клыче. —

И слиду нестало.

ЛЫБЕДЫНЪ.

«Я сирота, зъ Вильшаной,
 «Сирота бабуся,
 «Батька ляхи замучилы,
 «А мене, — боюся,
 «Боюсь згадать моя сыза,
 «Узялы зъ собою,
 «Непытайся бабусенько
 «Що було зомною,
 «Я моылась, я плакала,
 «Серце розривалось,
 «Слѣзы сохлы, душа мерла,
 «Охъ якъ бы я знала
 «Що побачу ёго ще разъ
 «Що обниму знову,
 «Въ двое, въ трое вытырпилабъ
 «Заедине слово,
 «Выбачай моя голубко,

«Може я гришила,
«Може Богъ за те карае
«Що я полюбыла,
«Полюбыла станъ высокій,
«И каріи очи,
«Полюбыла якъ умила,
«Якъ серденько хоче.
«Не засебе не за батька
«Молылась въ неволи,
«Ни, бабусю, а за ёго
«Замилого долю,
«Карай Боже, твою правду,
«Я вытерпить мушу.
«Страшно сказать; я думала
«Занапастыть душу.
«Якъ бы невинъ, можебъ... може —
«И занапастыла.
«Тяжко було; я думала
«О Боже, мій милый!
«Винъ сирота, хто безъ мене
«Его привитае,
«Хто про долю про недолю
«Якъ я роспытае.
«Хто обниме якъ я ёго,
«Хто душу покаже?

«Хто сироти убогому.

«Люблю тебе скаже?

«Я такъ думала бабусю

«И сердце сміялось.

«Я сирота, безъ матери,

«Безъ батька осталась.

«И винъ одинъ на всимъ свити

«Одынъ мене любить

«А почуе що я вбилась

«То й себе погубить.

«Я такъ думала, моылась,

«Ждала, выглядала,

«Нема ёго, непрыіде,

«Одна я осталась, . . .»

Та й заплакала. Черныця,

Стоя коло неи

Зажурилась. «Бабусенько

«Скажи мыни де я?»

«Въ Лыбедыни моя пташко, —

«Невставай ты хвора. . .»

«Въ Лыбедыни, чи давно я?

«Ба ни позавчора.

«Позавчора. . . стривай, стривай,

«Пожаръ надъ водою,

«Жидъ, будынокъ, Майданивка,

«Зовуть Галайдою. . .
 «Галайдою, Яремою
 «Себе называе
 «Той що привизъ. . .» «де винъ? де винъ?
 «Теперь же я знаю. . .»
 «Черезъ тыждынь обицявся
 «Прийты за тобою. . .»
 «Черезъ тыждынь! черезъ тыждынь!
 «Серденько загоить,
 «Бабусенько, минулася
 «Лихая годына,
 «То Галайда мій Ярема
 «По всій Украини
 «Его знають, я бачила
 «Якъ села горилы
 «Я бачила, — Каты Ляхи
 «Трусилыся, млилы,
 «Якъ хто скаже про Галайду,
 «Знають воны, знають
 «Хто Ярема. Видкиля винъ?
 «И кого шукае,
 «Мене шукавъ, мене найшовъ,
 «Орель сизокрилый
 «Приитай же мій Орлыку,
 «Мій соколе милый.

«Охъ якъ весело на свити

«Якъ весело стало

«Черезъ тыждынь бабусенько,

«Ще три дни осталось,

«Охъ якъ довго. . .

«Загрибай мало жаръ жаръ

«Загрибай мало жаръ жаръ

«Буде тобі дозки жаль жаль. . .

«Охъ якъ весело на свити! . . .

«А тобі бабусю

«Чи весело?» я тобою

«Пташко веселюся.»

«А чомъ же ты неспиваешь?»

«Я вже одспивала.

«Пиду, дзвонять до вечерни.»

Оксана осталась

Пожурилась, усмихнулась,

Пала на колина,

И молыця за Ярему

Щиро якъ дитына.

Черезъ тыждынь стари сестры

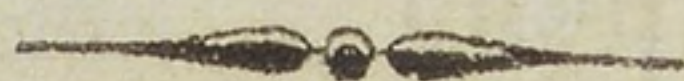
У церкви спивалы,

Исаія ликуй, въ ранци

Ярему винчали

А въ вечери мій Ярема

(Отъ хлопыць звычайный)
 Щобъ несердыть Зализняка
 Покинувъ Оксану.
 Ляхивъ конча — зъ Зализнякомъ,
 Часомъ наизжае
 Вряды-годы, — та вдвохъ соби...
 Ну це всякій знае!...
 Вернимоссяжъ до свячепыхъ.
 Що вони зробили?
 Чи вси вони ще якъ бритва,
 Чи перещербили,
 Хочъ вамъ, знаю, и остыло
 На кровь, та на слёзы
 Дывитыся, а Оксани;
 Оксани небози
 Їй ажъ пудно, бо Ярема
 Весилля гуляе,
 Зъ ножемъ въ рукахъ, на пожарахъ,
 Вона выглядае
 Допивночи, а иноди
 Помольця Богу,
 Тай спать ляже, одна соби...
 Умеръ бы ей Богу.

ГОНТА ВЪ УМАНН.

Минають дни, минае лито,
 А Украина знай горить,
 Плачуть по селахъ мали диты,
 Батькивъ немає, шелестыть
 Пожовкле лыстя по диброви,
 Гуляють Хмары, сонце спить
 Нигде нечуть людской мовы,
 Тилько звирь вые, йде въ село
 Де чую трупы; неховалы,
 Вовкивъ Ляхами годувалы,
 Поки ихъ снигомъ занесло.
 Неспынила хуртовина
 Пекельной кары,
 Ляхи мерзлы, а козаки

Грились на пожари.
 Встала й весна, чорну землю
 Сонну розбудыла,
 Уквичала ии рястомъ,
 Барвинкомъ покрила,
 И на поли жайворонокъ
 Соловейко въ гай
 Землю убрану весною
 Вранци зостричаютъ.
 Рай, тай годи, а для кого?
 Для людей. . . а люды?
 Нехотять на ёго й глянуть
 А глянуть огудять,
 Треба кровью домалювать.
 Освитыть пожаромъ
 Соцця мало, рясту мало.
 И багато хмары.
 Пекла мало! люды! люды!
 Колы то зъ васъ буде
 Того добра що маете?
 Чудни, чудни люды!
 Неспыныла весна крови,
 Низлости людькои, —
 Тяжко глянуть; а згадаемъ
 Такъ було и въ Трои

Такъ и буде. — Гайдамаки
 Гуляють, карають,
 Де проидуть земля горить
 Кровью пидплывае.
 Придбавъ Максимъ соби сына
 На всю Украину,
 Хочь неридный сынъ Ярема,
 А шыра дытына
 Максимъ риже, а Ярема
 Не риже, лютуе
 Зъ ножемъ въ рукахъ на пожарахъ
 И днюе й почуе
 Немилуе, не мишае
 Пигде ни одного
 За Тытаря ляхамъ платить,
 За батька святого
 За Оксану... та й зомліе
 Згадавши Оксану,
 А Зализнякъ. «гуляй сыну
 «Поки доля встане!
 «Погуляемъ!» погулялы.
 Купою на купи
 Одъ Кіева до Умани
 Ляглы Ляхи трупомъ.

Якъ та хмара Гайдамаки
 Умань (19) обступилы
 Опівночи, до схида сонця
 Умань затопилы,
 Затопилы, закричалы
 «Катай Ляха знову.»
 Покотылысь по базару
 Киини Narodowi, (20)
 Покотылысь мали диты,
 И калики хвори
 Гвалть и галась... на базари —
 Якъ по середь моря
 Кровавого, стоить Гонта
 Зъ Максимомъ за взятимъ,
 Кричать удвохъ, «добре диты
 «О такъ ихъ проклятыхъ.»
 Ажъ ось ведуть Гайдамаки
 Ксёндзя Ізуіта
 И двохъ хлопцівъ. «Гонто! Гонто!
 «О це твои диты,
 «Ты насъ рижешъ, зарижъ и ихъ,
 «Воны Католики.
 »Чогожъ ты ставъ, чомъ не рижешъ;
 «Поки не вельки,
 «Зарижъ и ихъ бо виростуть

«То тебе зарижуть. . .»

«Вбийте его а собачать

«Своею зарижу!

«Клычть громаду, признавайтесь

«Шо вы католыки?»

«Католыки. . . бо насъ маты. . .

«Боже мій великій!

«Мовчить! мовчить, знаю знаю.»

Зибралась громада.

«Мои диты Католыки!

«Шобъ небуло зрады

«Шобъ небуло поговору

«Панове громадо!

«Я присягавъ бравъ свяченый

«Ризать Католыка!

«Сыни мои! сыни мои!

«Чомъ вы не велики?

«Чомъ вы ляха нерижете!

«Будемъ ризать тату.»

«Небудете! небудете!

«Будь проклята маты

«Та проклята католычка

«Що васъ породыла,

«Чомъ вона васъ до схиць сонця

«Була невтопила,

Меншебъ гриха, выбъ умерлы
 «Не католыками,
 «А сёгодня, сыны мои!
 «Горе мыни зъ вами!
 «Поцилуйте мене диты,
 «Бо не я вбиваю —
 «А присяга! . . .» Махнувъ ножемъ
 И дитей немае
 Попадалы заризани
 «Тату. . . белькоталы
 «Тату. . . тату. . . мы не ляхи
 «Мы. . .» та й замовчалы.
 «Поховать хиба? нетреба
 «Воны Католюки. . .
 «Сыни мои сыни мои
 «Чомъ вы не велыки
 «Чомъ ворога неризалы
 «Чомъ матирь невбилы
 «Ту прокляту Католючку
 «Що васъ породыла.
 «Ходимъ брате.» «взявъ Максима;
 Пишлы вздовжъ базару
 И обы-два закричалы
 «Кары Ляхамъ кары!»

И каралы! страшно, страшно,
Умань запалала.

Ни въ будынку, ни въ костёли
Нигде неосталось.

Вси поляглы, того лыха

Небуло николы

Що въ Умани робилося.

Базыліянъ школа

Де учились Гонты диты

Самъ Гонта руйнуе

«Ты поила моихъ дитокъ:»

Гукае, лютуе,

«Ты поила не великихъ

«Добру не навчила

«Быйте стины!» Гайдамаки

Стины развалылы

Розвалылы; объ каминья

Ксёндзивъ розбивали,

А школяривъ укриньци

Живыхъ поховалы.

До самой ночи ляххивъ мордовалы,

Души неосталось. А Гонта кричить

«Де вы людиды? де вы поховалысь?»

«Зъ илы моихъ дитокъ, тажко мыни жить

«Тяжко мыни плакать, ни єь кимъ говорить,

«Сыны мои любі, мои черноброви
 «Де вы поховалысь. Крови мыни крови!
 «Шляхетскои крови, бо хочеця пить.
 «Хочеця дывиця якъ вона чорніе
 «Хочеця напиця, чомъ витеръ невіе
 «Ляхивъ не навіе. Тяжко мыни жить
 «Тяжко мыни плакать, праведніи зори
 «Сховайтесь за хмару, я васъ не займавъ.
 «Я дитей заризавъ, горе! мое горе!
 «Де я прихилюся?» такъ Гонта кричавъ
 По Умани бигавъ, а середъ базару
 Въ крови Гайдамаки ставили столы
 Де що запопалы, стравы напеслы
 И силы вечерять. Остатья кара
 Остатья вечеря. «Гуляйте сыны
 «Пыйте поки пьеця, быйте поки бьеця!»
 «Зализнякъ гукае! а ну нависный
 Ушкварь намъ, що небудь, нехай земля гшеця
 Нехай погуляють мои козакн.»
 И Кобзарь ушкваривъ —

А мій батько орандарь,

Чоботарь,

Моя маты пряха,

Та сваха,

Браты мои соколы,
 Привилы,
 И корову изъ диброви,
 И памиста нанеслы,
 А я соби хрыстя,
 Въ намисти,
 А на лыштви, лыстя,
 Та лыстя,
 И чоботы и пидковы
 Выйду враньци до коровы,
 Я корову на пою,
 Подою,
 Зъ парубками постою,
 Постою.

Ой гоць повечери,
 Замыкайте диты двери,
 А ты стара, нежурись,
 Та до мене пригорнись!

Вси гуляють, а дежъ Гонта?

Чомъ винь негуляе?

Чому не пье зъ козаками,

Чому неспивае?

Нема его; теперь ёму

Мабудь недонеи,
 Недоспивы. . . а хто такый
 У чорній киреи
 Черезъ базаръ переходыть,
 Ставь, розрыва купу
 Ляхивъ мертвыхъ, шука когось
 Нагнувся, два трупы
 Невилыкихъ, взявъ наплечи
 И позадь базару,
 Черезъ мертвыхъ переступа,
 Крыеця въ пожари,
 Закостёломъ. . . хтожь це такій? —
 Гонта, горемъ битый,
 Несе дитей поховаты
 Землею накрыты,
 Шобъ козацьке мале тило
 Собаки нейлы.
 И темными улыцями,
 Де меньше горило,
 Понисъ Гонта дитей своихъ,
 Щобъ ниhto небачивъ,
 Де винъ синивъ поховае,
 И якъ Гонта плаче;
 Вынисъ въ поле, геть одъ шляху,
 Свячений выймае,

И свяченымъ копа яму,
 А Умань палае;
 Свитыть Гонти до работы
 И на дитей свитыть;
 Ныначе сплять, одягыни,
 Чогожъ страшни диты,
 Чого Гонта нибы краде,
 Або скарбъ ховае,
 Ажъ трусиця; — изъ Умань
 Де, де, чуть гукають
 Товариши Гайдамаки,
 Гонта мовъ нечуе.
 Сынамъ хату середь степу
 Глыбоку будуе.
 Тай збудувавъ, бере синивъ,
 Кладе въ темну хату
 Ажъ трусыця ниби чуе, —
 «Мы не ляхи тату!»
 Поклавъ обо ихъ; изъ кишени
 Китайку выймае.
 Поциловавъ мертвыхъ въ очи
 Хрыститъ, накривае
 Червоною китайкою
 Головы козачи.
 Роскрывъ, ще разъ подывився. . .

Тяжко, важко плаче,
 «Сыни мои, сыни мои,
 «На ту Україну
 «Подивиця, вы заней
 «Й я заней гину.
 «А хто мене поховає?
 «Начужому полю,
 «Хто заплаче надомною;
 «Доле моя! доле!
 «Доле моя несчаслива,
 «Що ты наробила
 «На що мыни дитей дала,
 «Чомъ мене невбила;
 «Нехай воньбъ поховалы,
 «А то я ховаю.»
 Поциловавъ, перехрестивъ,
 Покривъ, засыпає; —
 «Спочивайте сыны мои
 «Въ глыбокій осели.
 «Сука маты, непридбала
 «Новои постели,
 «Безъ васылькивъ, и безъ труны
 «Спочивайте диты,
 «Та благайте, просить Бога,
 «Нехай на симъ свити

«Мене за васъ покарае

«За грихъ сей великій

«Просить сыны, я прощаю

«Що вы Католики.»

Зривнявъ землю, покрывъ дерпомъ,

Щобъ нихто небачивъ,

Де поляглы Гонты диты

Головы козачи.

«Спочивайте, выгладайте,

«Я швидко прибуду.

«У коротывъ я вамъ вику

«И мыни те буде,

«И мене вбють, колыбъ швыдче,

«Та хто поховае?

«Гайдамаки! . . . пиду ще разъ

«Ще разъ погуляю. . .»

Пишовъ Гонта похилывшись.

Иде спотекнеця.

Пожаръ свытыть, Гонта гляне,

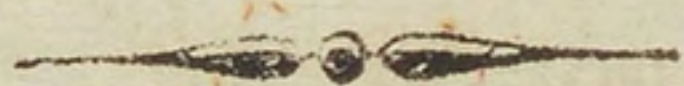
Гляне усмихнеця,

Страшно, страшно усмихався,

Настепъ оглядався,

Утёръ очи, только мріе

Въ дыму, та й сховався. (21)

The first part of the paper is devoted to a general
 consideration of the subject. It is shown that the
 theory of the subject is of great importance
 and that it is necessary to have a clear
 understanding of the principles involved.
 The second part of the paper is devoted to a
 detailed examination of the subject. It is shown
 that the theory is of great importance and
 that it is necessary to have a clear
 understanding of the principles involved.
 The third part of the paper is devoted to a
 detailed examination of the subject. It is shown
 that the theory is of great importance and
 that it is necessary to have a clear
 understanding of the principles involved.
 The fourth part of the paper is devoted to a
 detailed examination of the subject. It is shown
 that the theory is of great importance and
 that it is necessary to have a clear
 understanding of the principles involved.
 The fifth part of the paper is devoted to a
 detailed examination of the subject. It is shown
 that the theory is of great importance and
 that it is necessary to have a clear
 understanding of the principles involved.
 The sixth part of the paper is devoted to a
 detailed examination of the subject. It is shown
 that the theory is of great importance and
 that it is necessary to have a clear
 understanding of the principles involved.
 The seventh part of the paper is devoted to a
 detailed examination of the subject. It is shown
 that the theory is of great importance and
 that it is necessary to have a clear
 understanding of the principles involved.
 The eighth part of the paper is devoted to a
 detailed examination of the subject. It is shown
 that the theory is of great importance and
 that it is necessary to have a clear
 understanding of the principles involved.
 The ninth part of the paper is devoted to a
 detailed examination of the subject. It is shown
 that the theory is of great importance and
 that it is necessary to have a clear
 understanding of the principles involved.
 The tenth part of the paper is devoted to a
 detailed examination of the subject. It is shown
 that the theory is of great importance and
 that it is necessary to have a clear
 understanding of the principles involved.

Давно те минуло, якъ мала дытына
Сирота въ рядныни я колысь блукавъ,
Безъ свыты, безъ хлиба, по тій Украини,
Де Зализнякъ, Гонта, зъ свяченымъ гулявъ.
Давно те минуло, якъ тими Шляхами
Де йшли Гайдамаки: малими ногами
Ходывъ я, та плакавъ, та людей шукавъ,
Щобъ добру навчили: я теперъ згадавъ,
Згадавъ тай жаль стало, шо, лыхо минуло.
Молодее лыхо! якъ бы ты вернулось
Проминявъ бы долю шо маю теперъ.
Згадаю те лыхо, шляхи ти безъ краи,
И батька и дида старого згадаю;
Одынъ ше гуляе, а другій умеръ.

Бувало въ неділю, закrywши мишею,
 Почарци зъ сосидомъ выпивши тіеи...
 Батько дида просыть щобъ той розказавъ
 Про Колівщину, якъ колысь бувало,
 Якъ Зализнякъ, Гонта, ляхивъ покаравъ...
 Столитній очи, якъ зори сіялы,
 А слово за словомъ сміялось, лылось;
 Якъ ляхи каналы, якъ Смила горила...
 Сусиды отъ страху, отъ жалю нимилы:
 И мыни малому не разъ довелось
 За тытаря плакаты, и нихто не бачивъ
 Що мала дытына за коминомъ плаче!...
 Спасыби дидусю що ты заховавъ
 Въ голови столитній ту славу козачу,
 Я іи онукамъ теперьъ розказавъ.

Выбачайте люды добри,
 Що козацьку славу
 Такъ навманья розказую
 Безъ книжной справы.
 Такъ дидъ колысь розказовавъ,
 Нехай здоровъ буде,
 А я занымъ; незнавъ старій,
 Що письменни люды
 Тіи речи прочитають...

Выбачай дидусю,
 Нехай лають; а я поки
 До своихъ вернуся.
 Та доведу вже докраю,
 Доведу, — спочину,
 Та хочъ кризь-сонъ подывлюся
 На ту Украину
 Де ходылы Гайдамаки
 Зъ святыми ножами,
 На ти шляхи, що я мирявъ
 Малыми ногами.

Погулялы Гайдамаки,
 Добре погулялы,
 Трохи не рикъ, шляхетскою
 Кровью напувалы
 Украину, та й замовкы, —
 Ножи пощербилы,
 Нема Гонты, нема ёму —
 Хреста ни могилы,
 Буйни витры розмахалы
 Попиль Гайдамака
 И никому помолыця,
 Никому заплакаты.
 Одынъ тилько братъ названый
 Оставсь на всимъ свити,

Тай той почувъ, що такъ страшно,
 Пекелніи диты,
 Его брата замучилы,
 Зализнякъ заплакавъ
 Вперше зроду, слезы невтеръ
 Умеръ неборака.
 Нудьга ёго задавила,
 На чужому поли.
 Въ чужу землю положила
 Така ёго доля.
 Сумно, сумно Гайдамаки
 Зализную сылу
 Поховалы, насыпалы
 Высоку могилу.
 Заплакалы, розійшлыся
 Видкиля взялыся, —
 Одынъ тилько мій Ярема,
 На кій похилывся
 Стоявъ довго: «спочинь батьку
 «Начужому поли
 «Бо на своимъ нема мисця

 «Спы козаче, душа щыра
 «Хто небудь згадае.»
 Пишовъ степомъ сиромаха,

Слезы утирає,
 Довго, довго, оглядався
 Тай не выдко стало. . .
 Одна чорна середь степу
 Могила осталась. (22)
 Посіялы Гайдамаки
 Въ України жито,
 Та не воны его жалы, —
 Що мусемъ робиты?
 Нема правды, не выросла,
 Кривда повыває. . .
 Розійшлыся Гайдамаки
 Куды якій знає,
 Хто до дому, хто въ диброву,
 Зножемъ у халяви,
 Жидивъ кончатъ; така йдоси
 Осталася слава. (23)
 А тымъ часомъ старо-давню
 Сичъ розруйновалы:
 Хто на Кубань, хто за Дунай,
 Тилько и осталысь —
 Що пороги середь степу
 Ревуть завывають.
 Поховалы дитей нашихъ
 И насъ розрывають;

Ревуть соби, ревитемуть

Ихъ люды минулы,

А Украина на вики

Навики заснула.

Зъ того часу въ Украини

Жито зеленіе

Нечуть плачу, ни гарматы,

Тилько витерь віе

Нагинае вербы въ гаи

А тырсу на поли,

Все замовкло, нехай мовчить

На те Божа воля.

Тилько часомъ у вечери

По надъ Днипромъ гаємъ

Идутъ стари Гайдамаки

Идучи спивають.

А въ нашого Галайды хата нч полости

Грай море,

Добре море,

Добре буде,

Галайда!

П Р И П Ы С Н.

1. Энциклопедическій лексиконъ томъ 5. Барская Конфедерація. и historia Krolewstwa Polskego g. s. Wandke tom 2.
2. Вильшана або Ольшана, мистечко Кіевской губерніи Звенигородскаго повита: миждь Звенигородкою и Вильшаною по старому шляху Боровыкивъ хутирь и корчма, дебто Ярема Байстрюкъ а потимъ Галайда бувъ у жида наймитомъ. (отъ старыхъ людей).
3. Неунитивъ Ляхи называлы Схизматами.
4. Про Конфедеративъ такъ розказуютъ люды котори ихъ бачилы, и не дыво бо то була все Шляхта з honorem безъ дисциплины, робить не хочиця, а исты треба.
5. Анахронизмъ Тытаря Ляхи замучилы зимою, а не летомъ.
6. За Гайдамаками ходызь Кобзарь ёго называлы слепымъ Волохомъ. (Дидь розказувавъ).
7. Павла Наливайка, живого спалылы въ Варшави, Ивана Остраныцю и тридцать старшинъ козацькихъ писля страшной муки розчетверовалы и розвезлы ихъ тила по всій Украини. Зиновій Богданъ и сынъ его Тимофей булы поховани въ Суботови коло Чигрина, Чарнецкій коронный Гетьманъ, недоставшы Чигрина, отъ злости спалывъ ихъ мертвыхъ. (Георгій Конискій).

8. Полковникъ Богунь, потопивъ Ляхивъ въ Игули. Зиновій Богданъ, выривавъ 40 съ чимъ то тысячъ Ляхивъ надъ Росью въ Корсуни. Тарасъ Трясыло выривавъ Ляхивъ надъ Альтою, И та нычъ въ котору те трапилось зовеця, Тарасова, або кровава. (Бантышъ-Каменскій).
9. Такъ про Чигринське свято розказують стари люды.
10. Тарасова и Варфоломѣева ночи одна другой вартъ на стыдъ Римской тіары.
11. Трети пивни, сигналъ, розказують шо Зализняка Есауль не диждавши третихъ пивнивъ запалывъ Медвѣдивку мистечко межъ Чигриномъ и Звенигородкою.
12. Чорный Шляхъ выходывъ отъ Днипра межъ устями ричокъ Сокоривки и Носачивки, и бигъ черезъ степы Запорозьки, черезъ воеводства Кіевске, Подольске и Волынске; на червону Русь до Львова. Чорнымъ названный, шо по ему Татары ходили въ Польшу и своими табунами выбивали траву.
13. До Уніи козаки зъ Ляхами мырылыся, и якъ бы не Ізуиты, то може бь и не ризалыся; Ізуитъ Посевинъ Легатъ Папскій першый начавъ Унію въ Украини.
14. Кереливка, або Карилровка село Звенигородского повита. Червонецъ шо давъ Зализнякъ хлопцеву и до си есть у сына того хлопця, которому бувъ даный, я самъ его бачывъ.
15. Село будыща, недалеко отъ Кереливки, въ яру Озеро и надъ Озеромъ лисъ не великій зовеця Гупаливщыною за те шо тамъ Зализнякъ збывавъ Ляхивъ зъ дѣрева. Лѣхи де бувъ захованый Шляхецькій скарбъ и доси выдко, тилько вже розруйновани.
16. Лысянка, мистечко Звенигородского повита, надъ ричкою Гнылымъ-Тикичемъ. Тутъ зишлыся Гонта зъ Зализнякомъ и розруйновали старосвитцкій Будынокъ Богданомъ нибыто будованый.
17. Майданивка, село не далеко отъ Лысянки.
18. Лебедынь, дивичый Монастырь, межъ Чигриномъ и Звенигородкою.
19. Умань, городъ повитовый, губерніи Кіевской.

20. Kawaleria Narodowa; такъ звались Польски драгуны, ихъ тогда було въ Умани 3000 и вси були побиты Гайдамаками.
21. Въ Умани Гонта убивъ дѣтей своихъ, за те що ихъ маты Католичка помогла Ізуитамъ перевесты ихъ въ Католики. Младановичъ товаришъ сынивъ Гонты бачивъ зъ здвинуци якъ вѣны умерлы. И якъ школяривъ Базиліанской школы потопивъ Гонта въ Криныци. Винъ багато написавъ объ Гайдаматчини, але на дрюкованого нема ничего.
22. Зрадою взяли Ляхи Гонту и страшно замучили. Привезли его въ Кайданахъ въ Польскій лагерь недалеко Балты, зъ отризаннымъ языкомъ и правою рукою. Б. Польскій генераль, такъ веливъ зробить, щобъ винъ чого небудь неказавъ на его, потимъ каты роздягли его, якъ маты родыла, и посадылы на горячи штабы зализа, потимъ зняли дванадцать пасъ зъ спины шкуры. Гонта повивъ очима и страшно глянувъ на Б. той махнувъ рукою и розняли Гонту на четверо, рѣзвезлы тило и по прибывалы на середохрестныхъ Шляхахъ. Зализнякъ почувши, що такъ страшно Ляхи замучили Гонту заплакавъ занедужавъ тай умеръ, его Гайдамаки поховалы въ степу надъ Днистромъ та и розійшлыся.
23. Злодій, розбойныкъ, або Гайдамака, такими осталься Гайдамаки по Коліивщини. Такими ихъ знають и доси.

ПЕРЕДМОВА.

Помовѣ, передмова, можно бѣ и безъ неї
 Такъ ось бачте що; все що я бачивъ надрю-
 кованого, тилько бачивъ а прочитавъ дуже
 небагато, всюды е передслово, а вмене нима,
 якъ бы я недрюковавъ своихъ Гайдамакивъ,
 то вонобѣ нетреба и передмовы. А колы вже
 пускаю въ люды то треба и стчымъ, щобъ
 несміялысь на обирванцивъ, щобъ неказалы
 отъ якій! хиба диды та батьки дурніши булы,
 що непускалы въ люды навить граматки безъ
 предисловія. Такъ, далеби такъ, выбачайте,
 треба предисловіе, такъ якъ же ёго скомпо-
 новать? щобъ знаете небуло и кривды, щобъ
 небуло и правды, а такъ якъ вси предисловія

компонуюця хочъ убый не вмю, треба бѣ хвалыть такъ соромъ, а гудыть нехочиця. *Нагнемъ же уже нагало книги сице:* весело подывиця — на слипого Кобзаря якъ винъ соби сыдить съ хлопцемъ слипый пидъ тыномъ и весело послухатъ его якъ винъ за-спивае думу проте шо давно діялось. Якъ бо-ролыся Ляхи съ козаками, весело. . . а все-таки скажешъ слава Богу шо минуло, а над-то якъ згадаешъ шо мы одной матери диты, шо вси мы славяне. Серце болыть, а роска-зувать треба, нехай бачать сины и внуки, шо батьки ихъ помилянысь, нехай братаются знову съ своими врагами. Нехай житомъ пшеницею, якъ золотомъ покрыта не розмижованною оста-неця на вики отъ моря и до моря — славянская земля. Про те шо діялось на Украйни 1768 року, росказую такъ якъ чувъ отъ старыхъ людей, надрюкованого и критикованого ничего нечитавъ, бо здаеця и нема ничего. Галайда въ половину выдуманый, а смерть вильшань-ского Тытаря правдыва, бо ще е люды кото-ри его зналы. Гонта и Зализнякъ, отаманы того кровавого дила, може вывидыни въ мене нетакъ якъ воны булы; за це неручаюсь. Дидъ

мій нехай, здоровъ буде, колы зачина роска-
зувать що небудь таке, що не самъ бачивъ а
чувъ; то спершу скаже, колы стары люды
брешуть, то й я зъ ними.

ПАНОВЕ СУБСКРИБЕНТЫ!

«Бачимо, бачимо, шо одуривъ та ще хоче и од-
брехаця.» Отакъ вы вслухъ подумаете якъ прочи-
таете мои Гайдамаки; Панове Громадо! далеби не
брешу, ось бачите шо, я думавъ и дуже хотилось
мыни надруковать ваши козацьки имена рядоч-
комъ гарнешько, уже було и найшлось ихъ десят-
кивъ зодва зотри, слухаю виходить разномова,
одышь каже треба, другий каже не треба третій
ничого не каже, я думавъ, шо тутъ робить на
свити, взявъ та й процындривъ гарнешько ти гро-
ши шо треба було заплатитъ за аркушь на дрю-
кованого паперу, а довасъ и ну писать оцю цы-
дулу всебто ще ничого, чого нетрапляеця на вику
все буває якъ надовгій пиви, та ось лыхо мыни
на безголовья, есть ше и таки панычи шо соро-
милысь свою благородну фамилію (Кирпа-Гнучко-
шиенко — 65) и надрюковать въ мужицькій кныж-
ци. далеби правда!

Т. Шевченко.

Продаетца въ книжномъ магазинѣ **О. Базунова** въ **С. Петербургѣ** у **Казанскаго моста** въ домѣ **Имзена** цѣна **5 руб. асс.** за экземпляръ.

Иногородныя благоволятъ адресоваться въ **С. Петербургѣ**, въ **Императорскую Академію Художествъ**, на имя **Тараса Григорьевича Шевченка**.